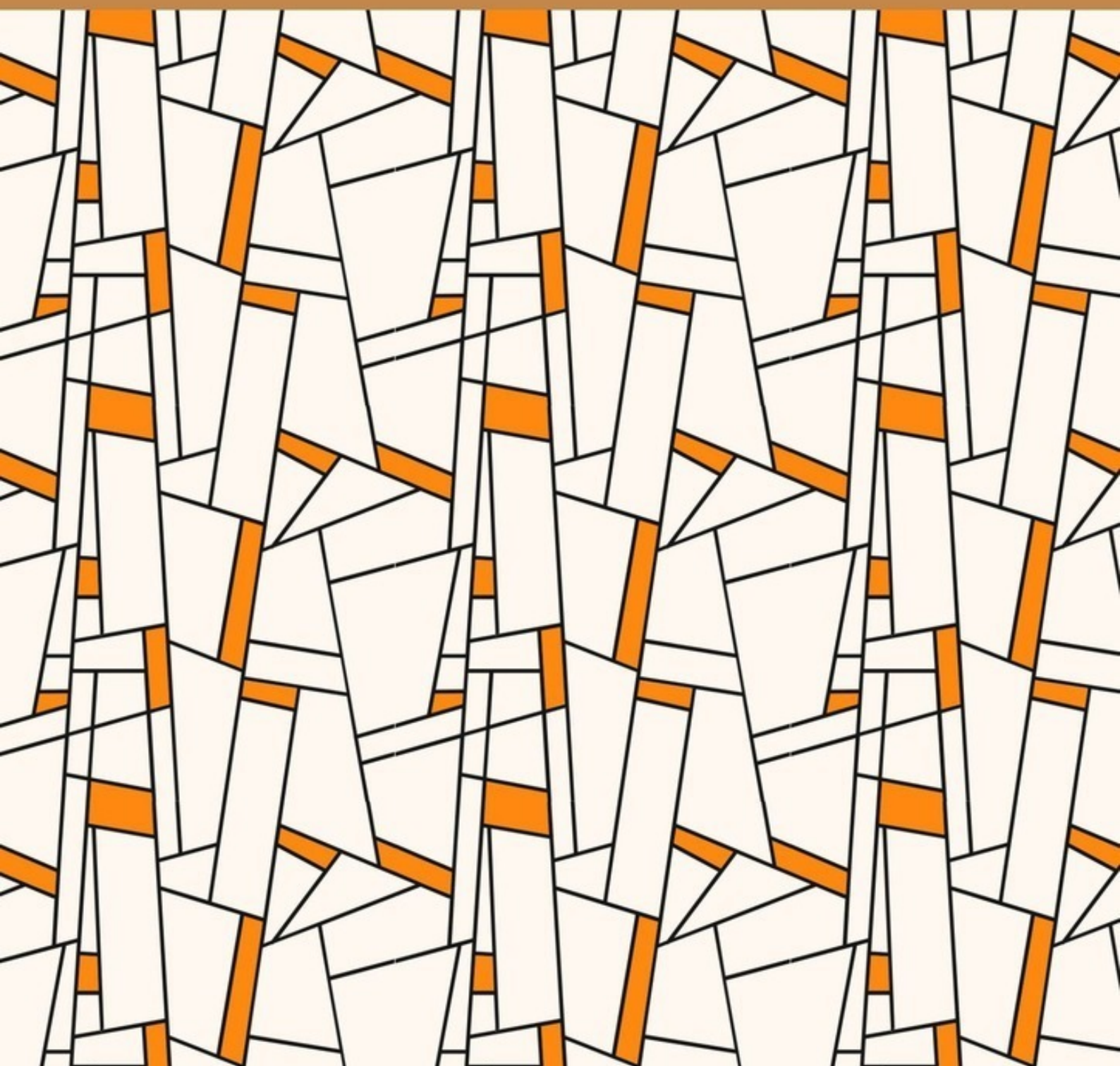

Евгений Кубасов

Беззаботные люди

нескучные истории

Евгений Кубасов

**Беззаботные люди.
Нескучные истории**

«Издательские решения»

Кубасов Е.

Беззаботные люди. Нескучные истории / Е. Кубасов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937878-1

Лёгкое чтение без чернухи и насилия. Нескучные истории из нашей жизни
времен развитого социализма, перестройки и что из того вышло...

ISBN 978-5-44-937878-1

© Кубасов Е.
© Издательские решения

Содержание

Евгений Кубасов	6
Беззаботные люди	7
Как я не стал журналистом	12
Хороший день	21
Письмо	28
со света, всматриваясь в сумрак кухни, окликнула она	30
Баня с бассейном	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Беззаботные люди Нескучные истории

Евгений Кубасов

© Евгений Кубасов, 2018

ISBN 978-5-4493-7878-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Евгений Кубасов

Беззаботные люди рассказы и повести Счастье

Илюшка проснулся. Сегодня воскресенье. Еще с закрытыми глазами, он начинает думать: что приятного ждет его в наступившем дне. Раз сегодня выходной, значит, они с дедом пойдут на трамвайный круг у бани, где дед в маленьком кафе с высокими столами и с крышей, через которую можно смотреть на солнце не шурясь «примет на грудь воскресные сто пятьдесят грамм» с сарделькой и маленькой кружкой пива, а ему купит «ленинградское» мороженое, которое в два раза больше эскимо. Потом они пойдут по желтому скверу мимо пруда с совсем непугливыми утками, берущими хлеб прямо из рук, пойдут в парк с любимой Илюшкой цепочной каруселью. если в будние дни приятности могут, случится, а могут и обойти стороной, то воскресный день без них не обходится никогда. Бабушка возьмет и приготовит пышки, которые он очень любит, но еще больше будет рад Илюшка, когда мама и папа, которые сейчас живут на целине, присылают письма. Как только он подрастет он поедет на целину, а потом, когда подрастет совсем, он поедет на Кубу воевать. Очень несправедливо получается, какие-то люди не хотят свободы для Кубы, и кубинцам приходится воевать за свою свободу, а главный у них – Фидель Кастро – бородатый дядька в какой-то странной военной форме, его портрет, вырезанный из газеты, Илюшка хранит в шкатулке вместе с письмами родителей. Он потягивается – носки ног почти дотягиваются до прутьев спинки кровати. Прохлада пробирается под одеяло, он натягивает его до подбородка...

Из коридора послышалось ворочание ключа в замке входной двери. Илья замер. Дед тоже перестал храпеть. Закрыв дверь, кто-то прошел в кухню. «Не бабушка» – понял Илья. Бабушка ходит мягко, а это были тяжелые шаркающие шаги. «Кто бы это мог быть?..» – приподнялся он голову от подушки, чтобы лучше расслышать, чья дверь откроется. Всякий из жильцов, войдя в квартиру, почти всегда шел вначале в кухню положить продукты или просто поздороваться, и лишь потом проходил в свою комнату. Всего в их квартире шесть дверей и каждая из них имела при открывании свой отличный от других звук. Это даже для Илюшки стало игрой, со временем он научился безошибочно распознавать, чья дверь открылась, чем немало удивил деда. Самое интересное, что звук открываемой двери был схожим с характером ее владельца. Например, дверь капитана милиции Петра Ксенофонтовича коротко щелкала, таким же немногословным был и сам милиционер, пела – у студентки Оленьки Шукиной, у Горожанкиных жалобно и протяжно стонала, «гавкала», лязгая замком – у управдомовского слесаря Володьки. На этот раз, судя по скрежету несмазанных петель, шаги затихли за дверью Степаниды Алексевны. Илюшка не любит Степаниду Алексевну – громоздкую, нескладную женщину с мужским, сирым басом и пропахшую табаком. Кроме голоса и пристрастия к курению у Степаниды Алексевны было много от мужчины, у нее растут усы, женщину же в ней угадывало лишь одно, да и то не лучшее женское качество – чрезмерная словоохотливость. Работала она лифтером в доме по соседству, и от своей «шапошной» близости к самым разным людям, была носителем множества всяких слухов, естественно, что первыми ее слушателями становились соседи по квартире. Видимо и сегодня Степаниду Алексевну «распирала какая-то горячая новость», и она искала свою жертву.

Снова щелкнул замок входной двери и по шагам Илья сразу узнал бабушку. Приходилось только догадываться, когда бабушка спит, вечером, засыпая, Илюшка видел ее у своей постели, а когда просыпался утром она уже давно была на ногах. Осторожно, чтобы не шуметь, бабушка приоткрыла дверь и просунула в щель пухлую авоську. Тотчас заскрежетала дверь Степаниды Алексевны, и раздался гром ее голоса:

– Прасковья Петровна, голубушка, вы-то мне и нужны. Вы слышали...

Также тихо, прикрыв дверь, бабушка под конвоем Степаниды Алексевны была препровождена в кухню.

– Прилетела сорока, – негромко проворчал дед, опуская ноги на пол.

Илья снова хотел притвориться спящим, уж очень не хотелось вылезать из-под теплого одеяла в утреннюю свежесть простывшей за ночь комнаты, но, заметив через смереженные веки, как дед с улыбкой смотрит на него, не выдержал и рассмеялся.

– Не спишь, воробей! Вижу, вижу, что не спишь, – говорил дед, одевая штаны. – Вставай, сейчас будем делать зарядку. Ты же хочешь быть здоровым сильным? Чтобы никогда и ничего не бояться. На Кубе сейчас только такие нужны! Ведь ты, кажется, на Кубу воевать ехать собираешься?..

Илья смущенно спрятал глаза. «Интересно, откуда дед знает, что я, когда вырасту, поеду на Кубу. Я же никому об этом не говорил» – подумал он.

То-то, – продолжал дед, зачесывая наверх свои седые волосы перед зеркалом. – А раз так, надо физкультурой заниматься.

– Хо-ло-дно! – поежился под одеялом Илюшка. – Да и зарядка по радио уже закончилась. Я сам слышал, как всегда в конце говорят: «музыкальное сопровождение пианиста Родионова»...

– Дед вдруг резко повернулся и подскочил к кровати внука, не успел тот и ахнуть, как оказался в его сильных руках.

А мы под тыны-тыны! – поднял над собой дед Илью, и, тормоша его, закружил на месте. – Как в песне поется: – «Чтобы тело и душа были молоды, ты не бойся не жары и не холода...»

Илюшка заболтал ногами и залился смехом.

– Уже озоруете, – неслышно в комнату просочилась бабушка и, вытирая руки о фартук, остановилась у дверей. – Что молодой, что старый. Что мне с вами делать, – с улыбкой покачала она головой. – Ну ладно, дед, хватит, а то у ребенка голова закружится. Давай, Илюшеньк, одевайся, умывайся, и завтракать, я там спозаранку плюшек напекла. Давайте, пока они теплые, – журчал ее говорок.

Илюшка застегивает рубашку и его разбирает хорошее настроение просто от мысли, что одна «приятность» сегодня уже есть, и его ждут на кухне сладкие плюшки, и вообще, что у него есть такие хорошие бабушка и дедушка. Есть, пусть сейчас далеко отсюда, мама и папа. Что живет он в «самом лучшем городе земли», как часто поют про Москву по радио. И что потому, что сегодня светит солнце и хорошо жить. Чтобы еще раз убедиться, что это так, и, не, иначе, он, изобразив, на, лице серьезность, спрашивает:

– Дедушка, а дедушка, а мы сегодня куда-нибудь пойдём?

– А куда бы ты сегодня хотел пойти? – охотно отзывается дед, озорно поглядывая на бабушку.

– Ну, как!.. – делает многозначительную паузу Илья. Сегодня у нас, что? – Воскресенье! Надо «примать на грудь!», – он нарочно говорит дедовыми словами.

Тот смеялся до слез. Смеялся больше над бабушкиным лицом, которое вытянулось после слов внука.

– «Чтобы душа воспарила!» – добивает ее Илюшка.

– Ишь,.. – икнул дед, – усвоил! Вот шельмец! Слышала, мать, что человек говорит? – Воскресенье! Так, что гони червонец!

Хотя уже который год в ходу новые деньги, он не упускал случая, чтобы перевести все в старый пересчет. Бабушка, как всегда принимает это за «чистую монету».

– Какой это червонец!.. – лицо ее вытянулось еще больше. – Ты, леший старый, совсем с ума свихнулся! Откудова я тебе этих червонцев напасусь?..

Дед и внук дружно смеются. Глядя на них, улыбается и бабушка:

– Что старый, что малый... Надо ж, «на грудь примать!», – качает она головой. – Научит же ребенка...

Ванная была занята.

– Там Ольга купается, – пояснила бабушка, заметив Илью у двери. – Иди здесь умойся, я воду спустила, теперь она теплая, – кивнула она на кухонный кран.

Кухня их квартиры большое помещение с окрашенными зеленой масляной краской стенами, выщербленным полом под серым, высоким, засиженным мухами лепным потолком, где круглые сутки горит многосвечевая лампа; огромным, чуть ли не во всю стену окном, о стекла которого зимой скребла стылými ветвями, а летом ласкалась листвой старая, пережившая свой век, треснувшая в стволе липа. В кухне теснятся две газовые плиты, две мойки и четыре стола. Жильцы двух комнат столов не имеют. Вернее, до недавнего времени был здесь и пятый стол – Тамары Сергевны, которая «сошлась с этим Козловым из пятьдесят девятой», как говорит бабушка. Илюшке это невдомек, из сказок он знал, что могут сойтись богатыри – «сошлись и стали биться», а «этот Козлов», живущий двумя этажами выше, и Илья его хорошо знает, вовсе не собирается биться с Тамарой Сергевной, даже наоборот их можно часто можно видеть во дворе, как они гуляют под ручку. Свое недоумение Илюшка высказал бабушке, но она не дала вразумительного ответа: «Сошлись и сошлись, Бог с ними. Не твоего это ума дело». Дед на его вопрос и вовсе только усмехнулся: «Тут дело, брат, такое...». Нет стола и у слесаря Володьки, на том месте, где он должен был стоять, но никогда не стоял – тумбочка. В тумбочке памятные для ее хозяина предметы – солдатский котелок, полученный в качестве выходного пособия в Суворовском училище, где Володька учился после войны, принятым туда как сын полка и сирота. Из училища его выставили за ворота сразу по достижении совершеннолетия. Вольный дух Володьки противился военному порядку и требованиям устава, да и наверное училищное начальство тоже не питало иллюзий воспитать из него достойного офицера, и за систематическое нарушение воинской дисциплины из училища Володьку «выперли». Чугунная сковорода без ручки тоже была отмечена для Володьки печатью памяти. Сковородка когда-то была собственностью его жены, но собственностью она была в исправном состоянии – с ручкой. От жены Володька ушел гордо сам, по причине полной несовместимости характеров. Повреждение, кухонная утварь получила как раз в момент бурного расставания супругов. У жены осталась лишь ручка, а собственно ещё сковорода долго пылилась на складе вещественных доказательств в отделении милиции, пока шло следствие, а пострадавший отлеживался в больнице с пробитой головой и многочисленными телесными повреждениями, нанесенными «скорее тупым, чем колющим орудием». Володька великодушно простил бывшей половине покушение на собственную жизнь, а сковородку взял у следователя на память. Стол Володьке ни к чему, он ест и пьет в бойлерной, где работает, там же часто остается ночевать. Единственным вкладом Володьки в быт коммунальной квартиры является добывание и самоличное вкручивание той мощной лампочки под потолком кухни, Причем происходит это при обязательном присутствии всех обитателей квартиры и носит даже какой-то ритуальный характер. При свете ручных фонариков, Володька выставляет на середину кухни свою тумбочку, ставит на нее табурет Горожанкиных, дедушка Ильи и разведенец Сергачев должны придерживать от падения табурет, а при необходимости и самого Володьку, когда тот находится «под мухой». Обязанность других, остальных присутствующих – морально поддерживать и всячески восхвалять мастера. А еще у Володьки есть душа, об этом он сам говорил Илюшке, которая не выносит милиции и Степаниды Алексевны.

Горожанкины завтракали в своей комнате, из-за их двери, как обычно по воскресеньям слышалась музыка.

В кухне кроме бабушки и дедушки, Степанида Алексевна и Петр Ксенофонтович.

– Здравсти, – вежливо поздоровался Илья.

Степанида Алексевна хмуро кивает и, прикуривая потухшую папиросу, торопится пошире открыть форточку.

– Здорово, здорово, Илья Муромец, – Петр Ксенофонтович по-взрослому протягивает ему руку. Это Илюшке страшно нравится, он и на улице специально старается попасть на глаза соседу, чтобы дворовые ребята видели, как настоящий капитан милиции с целой колодкой орденов жмет в своей большой руке его ладошку.

– Ну, как дела на Кубе? – серьезно спрашивает он, помешивая на плите яичницу.

«И этот про Кубу... И откуда они все знают?», – удивляется Илья и пожимает плечами, – Наверное наши наступают...

– Вот видишь, не знаешь... Радио слушай, – наставительно говорит Петр Ксенофонтович и глядит на часы. – Сегодня обязательно послушай новости. Там будет кое-что интересное.

– Хорошо, – пообещал Илья.

Он любит слушать радио, там часто говорят про целину, про Кубу, и про еще что-то, только не всегда понимает, почему по радио говорят совсем не так, как говорят окружающие его люди. Например, зачем надо идти навстречу съезду партии да еще нести с собой трудовые успехи. Про съезд дедушка объяснил, что это вроде домкома, который собирается у них каждый месяц, только народа на съезд собирается гораздо больше – со всей страны. Но почему к съезду надо идти пешком, а тем более идти издалека, дед не объяснил. Можно ведь ехать на поезде, а еще лучше лететь на самолете, трудовые успехи, если без них никак нельзя, можно сдать в багаж, как делают со своими чемоданами его родители. А то идти...

Степанида Алексевна непривычно молчит, но по ее лицу видно, что из нее просто рвется какое-то сообщение, которое она не решается выложить соседям при милиционере.

– Сегодня на сутки, Ксенофонтыч? – спрашивает дед, когда тот, доев яичницу, принимается за чай.

– На сутки, – вздыхает капитан. – И не знаю, как отработаю... Спал плохо, ногу тянет, наверное к перемене погоды. – И тут же взбадривает себя: – Ну, ничего! Сейчас пройдусь – развеюсь, разомнусь.

– Конечно, по свежему воздуху... Погода, вроде, сегодня хорошая обещается, – глянув в окно, согласился с ним дед.

Илья знает, что в войну Петр Ксенофонтович был тяжело ранен, и ему даже хотели отрезать ногу, но потом решили не отрезать, теперь к плохой погоде «ногу тянет». Он уважительно посмотрел на синие милицейские галифе с тонким малиновым кантом.

Сидеть молча Степаниде Алексевне невмоготу. Она закуривает очередную папиросу, глядит за окно:

– Куда же это годится, совсем распустился народ! Третьи сутки мусорный контейнер не убирают... Спрашивается: где дворники? – Никому нет дела!.. – Обнаружив бабушкино внимание, говорит уже адресно: – Вы слышали, третьего дня. Представьте себе... На Подбельского двое молодчиков ссильничали одну из девиц!..

– Надо же, – говорит бабушка, качая головой. Дед и Петр Ксенофонтович с улыбкой переглядываются.

Степанида Алексевна принимает их улыбку, как вызов и еще более сгущает краски:

– А на Игральной вчера вечером ограбили мужчину. Порядочный мужчина, скажу вам! Его хорошо знает Сесилия Панкратьевна из сорок шестой. Ограбили – деньги отобрали, часы сняли, избили... Чуть не до смерти избили. Кошмар! Куда...

«Куда смотрит милиция», – обычно завершает она подобные сообщения, но на этот раз традиционно закончить ей не удастся – милиция пристально смотрит на нее.

– Как жить, – нашла нейтральную фразу Степанида Алексевна.

– Да уж как-то проживем, не такое пережили, – сказал Петр Ксенофонтович, глянув на часы.

Мгновения пока затихнут шаги милицейских сапог в коридоре, и захлопнется входная дверь, Степанида Алексевна переживает особенно тяжело, лицо ее покрывается пятнами, спички в руках ломаются. Когда же становится ясным, что милиционер ушел и уже не вернется, она обводит присутствующих торжественным взглядом:

– Подумать страшно, что делается! Просто страшно!.. Ведь все это неспроста. Неспроста, говорю я вам! Вчера: дорогой Никита Сергеевич, а сегодня... Сегодня, пожалуйста – пенсионер! А как ловко все объяснилось: «недостатки в работе...»

Бабушка с тревогой посмотрела на соседку. Дед не спеша, доел бутерброд, вытер салфеткой рот и лишь, потом заговорил.

– Оно, конечно, может и странно, что все так быстро обернулось, а с другой стороны, ничего такого, и не произошло... Ушел человек на пенсию и ушел... Вон моя бабка, как срок подошел, сразу в отставку подала, – улыбнулся он.

– Ой, как можно сравнивать! – вспыхнула Степанида Алексевна. – Как можно сравнивать, Константин Васильевич! Я сегодня утром разговаривала с Сергеем Ильичем из шестнадцатой. Так он больше чем уверен – это заговор!

Дед пожал плечами:

– Сергей, конечно, человек ученый. Может ему и видней. Нам-то, какой прок с того? Я вот на немца в атаку шел за Родину, за Сталина. Потом оказалось, что Сталин не хорош. Не хорош – другого нашли, хорошего! С тем войну выиграли, с этим целину осваивать стали, в космос полетели, а с третьим может, на Марсе целину поднимать будем. Точно Илюшк, – подморгнул он внуку. – Наше дело маленькое – работай, план выполняй...

– Да, не бедствуем же! – поддержала деда бабушка.

– А я слышала другое!.. – Степанида Алексевна огляделась по сторонам и понизила голос. – Говорят!.. Говорят, что лучших врачей собрали, наших и зарубежных,.. – задохнулась она и перешла на звонкий шепот. – И оживили!..

– Кого оживили? – отставил в сторону бокал с чаем дед.

– Иосифа Виссарионовича!

В ванной стих шум воды, под серым потолком кухни повисла зловещая тишина. Белое лицо бабушки стало еще бледнее, а губы задрожали мелкой дрожью. Степанида Алексевна, осознав сказанное, стала опять озираться по сторонам. Дед с полминуты таращил на нее глаза, а потом, хрюкнув, закатился безудержным смехом.

Дед задержался на лестничной площадке, закрывая дверь, а Илья побежал вниз, чтобы посмотреть в почтовый ящик. По воскресеньям почту приносили раньше обыкновенного. С замиранием сердца открывал металлическую дверцу. Конверт с пестрым ободком авиапочты лежал на дне ящика

Как я не стал журналистом

Когда меня спрашивают: с какого времени я начал писать, подразумевая (я надеюсь), мои робкие поползновения к литературному труду, я всегда очень серьезно отвечаю, что впервые по велению сердца взялся за перо в четвертом классе школы. Нередко кто-то из спрашивающих, полагая, что я неправильно их понял, переспрашивают, при этом, стараясь заглянуть мне в глаза, и приходится повториться с уточнением: – «Пишу с четвертого класса обыкновенной средней школы». Но и это удовлетворяет далеко не всех: одни умиленно улыбаются, продолжая изучать разрез моих глаз (ждут, когда рассмеюсь), другие обижаются, заключив, что я попросту издеваюсь над ними, третьи же... Ох, уж мне эти третьи!.. Третьи язвительно замечают: – «С третьего класса и до сих пор?..»

«Да уж!..», – остается ответить мне. До сих пор я лишь пробую себя на ниве изящной словесности. Пробую!.. А когда-то в детстве мечтал. И потом уже не в детстве тоже... И совсем взрослым, не оставляя надежды, что когда-нибудь подписанный моим именем материал найдет свое достойное место на газетной или журнальной полосе. Впрочем, все по порядку:

В детсадовском возрасте я мечтал быть Чапаевым, как, наверное, любой другой ребенок тех лет, после просмотра кинофильма об этом герое гражданской войны. Хотел, как он скакать на лихом коне и разить острой шашкой, убегающих в панике врагов. В последствии, вовсе не разочаровавшись в своем кумире, я рассудил трезво: Чапаев – человек, чья яркая жизнь прожита, и другого такого быть не может. Другое дело можно походить на Чапаева внешне и поступками. Но и здесь было много минусов. У меня была шашка, сделанная из обруча бочки были и усы, правда, тоже не настоящие, вырезанные из кусочка меха кролика старой ушанки, но главное – не хватало врагов, против которых мог быть направлен мой разящий клинок. К тому же, меня как-то не очень устраивал исход героя, пусть даже такой красивый.

Позднее, в порядке очередности, моими кумирами были: Александр Пархоменко из одноименного фильма, Данька из «Неуловимых мстителей», журналист из «Фантомаса»... Сразу оговорюсь: тот журналист ни выше обозначенному, ни нижеизложенному – никакого отношения не имеет, тот журналист сам по себе. Рекорд продолжительности обожания мною, как многих мальчишек того времени принадлежал, конечно, Юрию Гагарину. Быть космонавтом я мечтал со старшей группы детского сада и до четвертой четверти третьего класса школы. До того, как увидел бородачей – геологов.

Жил я тогда с родителями на самом краю земли русской, а вернее сказать даже за ее краем – на острове Сахалин. Родители мои – учителя по образованию, приехали на дальнюю сторонку, как говорится, мир посмотреть, себя показать, поработать и подзаработать. Отец работал директором школы, в небольшом поселке, в самой середине суши окруженной со всех сторон водой, мама в той же школе – учительницей начальных классов (по счастливой случайности я не попал к ней в класс). Океан от поселка отделяла гряда сопок с вершинами круглый год покрытыми снегом, и мне долго не удавалось побывать на его берегу. Когда это, наконец, случилось, и я увидел на беспокойной, дышащей поверхности с гребешками белой пены настоящий рыболовный траулер, то легко изменил романтике искателей сокровищ земных недр, и возжелал посвятить себя профессии рыбака, ведущего промысел на просторах морей. А до времени своей взрослости решил попрактиковаться в рыбной ловле на реках, благо поселок наш находился между двумя реками: многоводной рекой под названием Тымь и речкой помельче, но с крутым характером, быстрой Пиленгой. Кроме того, по поселку протекала еще одна, совсем маленькая речушка без названия. И все три были богаты самой разнообразной рыбой, начиная от мелких, с палец величиной, усачей, которых ловили обыкновенной столовой вилкой, для удобства привязанной на палку, и рыбинами, едва ли не с мой тогдашний рост – кетой и горбушей, каких по закону, вообще то ловить запрещалось. Для меня, рожденному

в Подмоскowie и ведавшему способы рыбной ловли принятые в тех местах, было открытием, как ловят рыбу на острове по своей конфигурации на карте напоминающим рыбу. На Сахалине нет выражения – «ловить рыбу», здесь за рыбой ходят и никогда без рыбы не возвращаются, и при этом совсем не используются общепринятые снасти. Поплавков не нужен – в хрустально чистой воде рыба вся на виду. Можно обойтись и без лески, как и без удилица. Нитка попрочнее, гайка потяжелее, чтобы течением не сносило, а крючок подойдет любой. Сваренная до белизны кетовая икринка – наживка. Взобрался на корягу над водой и выбирай себе рыбу по душе. Выбирать же есть из чего, всякая рыбешка спешит к твоему угощению. Самой ценной и крупной считается сахалинская форель, такая пятнистая рыба величиной с треть метра. Вот, отгоняя мелочь внушительным грузилом, искушаешь ее. Сонно пошевеливая хвостом, форель долго может испытывать терпение рыбака, и лишь когда маячащая перед ее носом икринка вконец опостылеет ей, нехотя схватит... Поведение форели продолжает удивлять и вне ее родной стихии. Вытащишь ее, ай хоть бы хны. И вырваться не станет, хвостом лишний раз не ударит – спокойная, и вроде даже довольная тем, что ее выловили. Бросил добычу в ведро и снова икринку на крючок...

Рыба – самая распространенная пища островитян. С приходом весны, когда начинает пригревать солнце, фронтоны домов украшаются разделанными тушками соленой лосося. Проявленная на солнце рыба называется юкола. Назвали юколу юколой коренные жители Сахалина – нивхи. Для нивхов рыба, как хлеб для русского человека, и потому им разрешено вылавливать кету и горбушу осенью, во время нереста, когда рыба устремляется по рекам вверх по течению. Однако, что разрешено малочисленному, коренному народу, для остальных жителей острова – запрещенный промысел. Попавшиеся рьяному инспектору рыбоохраны незадачливые добытчики принародно объявляются браконьерами и нещадно штрафуются. Но до сегодняшнего дня, я никак не могу взять в толк, почему строгие хранители рыбных запасов страны, исправно выполняют план по штрафам осенью, весной, точно слепнут, не замечая под крышами выставленный на всеобщее обозрение улов?..

Так вот, целое лето своих первых каникул я мечтал быть рыбаком, пока на школьный стадион не приземлился вертолет санитарной авиации – я уже хотел быть пилотом этой винтокрылой машины. Причем хотел одновременно управлять вертолетом и лечить людей отдаленных селений в тайге. Меня справедливо убеждали, что сразу быть тем и другим нельзя, что каждый должен заниматься своим делом. Я слушал, соглашался, но все равно представлял себя воздушным врачом весь второй класс.

В конце учебного года к нам в школу приехали сахалинские писатели. Они читали свои стихи, рассказывали забавные истории... Нет, писателем я стать не захотел. Скучно! Пиши до посинения, да и без ошибок, наверное, надо писать, а у меня русский хромал. Но встреча как-то запала в душу. И теперь, когда на экране телевизора появляется седой, как лунь Владимир Санги, я с удовольствием вспоминаю тот далекий день из моего детства.

В те годы была популярна песня, где были такие слова:

«... Трое суток шагать,

Трое суток не спать,

Ради нескольких строчек в газете...»

Песня мне понравилась сразу. Негромкая, в такт бьющемуся сердцу, мелодия покорила меня. И слова, какие! «Только о сильных и мужественных людях слагают песни и о них пишут в газетах», – решил я, смутно представляя о ком, в самом деле, идет речь в этой песне.

О журналистике и журналистах, в нашем третьем «Б», никто ничего определенного сказать не мог. Среди одноклассников больше половины видели себя космонавтами, включая в это число и девчонок, после полета в космос Валентины Терешковой, пять человек мечтали врачевать людей, двое хотели лечить животных, четверо – водить лесовозы, один – управлять трактором – трелевочником, а толстяк Жорка Хрящов выбрал себе стезю завбазойорса. Как

и о профессии журналиста, о Жоркиной мечте в классе никто ничего не знал, не знал, наверное, о том и сам Жорка. Он просто хотел быть завбазойорса, потому что в этой должности работал его отец, раскатывавший по поселку на новенькой «Волге», в которую из-за тучности влезал в два приема.

Для всех, и даже для моего лучшего друга Вовки Мельникова, я оставался, верен судьбе рыбака, но в глубине души, на самом ее доньшке, уже был журналистом, потихоньку выведывая у взрослых сведения об этой малоизвестном в нашем таежном краю занятии.

Все оказалось «проще пареной репы». Сперва надо было увидеть, что-нибудь интересное, а потом увлекательно о том написать. Причем, чтобы было еще увлекательнее, можно свое сочинение слегка приукрасить. Приврать, не приврать, а допридумать, что ли... А называется это – художественный вымысел, на что автор имеет полное право. И что мне понравилось в журналистике – писать можно с ошибками, есть специальные люди, какие ошибки найдут и исправят. В общем, все в моем новом выборе меня устраивало, особенно право автора на художественный вымысел. Оставался вопрос, о чем писать? Все, что окружало меня, было обыденно и совсем неинтересно. Конечно, хорошо было бы написать, например о войне. Про жаркий бой, когда наши солдаты с криком «Ура!» идут в атаку. О таком я уже был готов написать сразу, но без войны получится бы сплошной художественный вымысел. Подошел бы и какой-нибудь героический поступок, о каком можно было бы написать, допустим – на пожаре, как кто-то вынес из огня ребенка или на воде, тот же кто-то спас утопающего. Неплохо было бы также описать подвиг пионера предотвратившего крушение поезда, остановив его перед опасным участком, размахивая пионерским галстуком. О таких подвигах приходилось слышать от учителей, от родителей, читать самому, но все такое почему-то происходило вдали от нашего затерянного в тайге поселка. У нас жизнь текла скучно. Единственным памятным за все лето событием был пожар в коптильне одного из инспекторов рыбоохраны, пользовавшегося большой нелюбовью населения. Сложенная из сухих бревен коптильня, сначала просто дымилась, как дымились несколько десятков коптилен поселка, на то она и коптильня, живой интерес население проявило к той коптильне, когда она вспыхнула факелом. Надо сказать, что поведение владельца коптильни во время пожара показалось многим странным: он сам не пытался тушить погибающую собственность и не позволял делать этого сбежавшимся на помощь соседям, видимо не доверял им, дожидаясь настоящих пожарных. Когда же те приехали на своих красных машинах, сверкая маячками, от коптильни остались лишь дымящиеся головешки. А погорелец продолжал удивлять народ: убедившись, что коптильня сгорела до конца, он принялся пожимать пожарным руки и горячо благодарить их.

Наверняка, «ради нескольких строчек в газете», мой друг Вовка, мог бы сделать вид, что он тонет, а кто-нибудь спас бы его, но в такое никто никогда не поверит – Вовка плавает лучше всех в нашем классе. Тонуть же мне самому, чтобы Вовка спас меня, не хотелось совсем. И потом, как писать про себя самого?..

Так, помечтав, о своем журналистском будущем летними месяцами, к концу каникул я стал мало-помалу остывать к своему нечаянному выбору. И

остыл бы, наверное, совсем, если бы не случай...

Верный мой друг Вовка Мельников, с кем мы сидели за одной партой с первого класса и собирались досидеть до десятого, все лето активно готовился к полету к внеземным цивилизациям. У него дома было много книг фантастики о космических путешествиях, читал он их взахлеб. Стены его комнаты были увешаны звездными картами, рисунками ракет, межпланетных станций, которые сам рисовал. Вовка готовил себя в космонавты всерьез, и даже школьная кличка – Локатор, имела отношение к его звездной мечте, правда кличка эта прилипла к нему больше из-за оттопыренных ушей. Как мог, я участвовал в подготовке космонавта и согласился из центра управления полетом, какой находился в кузне Вовкиного дома, следить за имитацией его полета к Марсу. Дорога туда, как известно, неблизкая, и космонавту надо приучить

себя к длительному одиночеству в условиях автономного полета, поддерживая связь с землей лишь по радио.

Мы выкатили в огород под окна кухни большую бочку из-под рыбы и протянули между кухней и бочкой провода детского переговорного устройства. В пробуравленное в бочке отверстие вставили трубу, по которой космонавт будет снабжаться специальным питанием, другой конец трубы был подведен к кухонной форточке. За день до того, на скопленные Вовкой деньги купили в магазине несколько тюбиков зубной пасты

По придуманной будущим покорителем Вселенной технологии, мы отрезали сплюснутый конец тюбика, выдували содержимое тюбиков, ополаскивали их водой и набивали туда сваренную, толченую картошку. Получилось настоящее космическое питание.

Я помог Вовке надеть тяжелую меховую куртку его отца и принял доклад командира межпланетного корабля о готовности к полету. У бочки мы тепло попрощались. Вовка занял свое место в корабле. Прикрыв люк Вовкиной «ракеты» крышкой, я поспешил в «центр управления». Космонавт уже докладывал о своем самочувствии и просил разрешения на взлет. Я разрешил. Сзади бочки что-то хлопнуло и сверкнуло, из открытой форточки потянуло порохом дымом. Надо думать, этого салюта хватило, чтобы Вовкин корабль вырвался из пут всемирного тяготения и ринулся на просторы Вселенной.

– Вышел на орбиту! Самочувствие нормальное, – пятью минутами позже послышалось из трубки.

Искренне порадовавшись тому и другому, я спросил, что видит космонавт вокруг себя, надеясь на его фантазию, полагая услышать о мириадах звезд и о красоте Земли с вселенских высот. Но Вовка, видимо, был не склонен фантазировать в бочке, ответил, что ничего хорошего не видит, и что в бочке сильно воняет рыбой. После чего запросил сведения о погоде на Земле.

– Собирается дождь, – сообщил я.

На что Вовка объявил об уходе его корабля из зоны радиовидимости с территории Советского Союза.

Действительно дождь скоро начался. Пока мой космонавт бороздил космос по другую сторону земли, мне стало одиноко на кухне с дождем за окном. И чтобы не взвыть от тоски и скоротать время, я принялся рассматривать лежавшую на столе газету.

На первой странице прямо под названием газеты, писали о тружениках села, какие уверенной поступью идут к съезду партии с новыми достижениями в животноводстве. Представив себе толпу румяных колхозников с огромным ящиком на плечах, шагающих как военные на параде к месту, куда съехалось много автомобилей, и выглядывающие из того ящика толстые пороссячи рожи, я рассмеялся.

– Ты чего ржешь, как жеребец? – не по форме спросил через трубку Вовка.

– Так, просто... – ответил я, переворачивая страницу газеты. – А ты, что над нами летишь уже?..

– Уже, – вздохнул он, но тут же поправился: – Самочувствие в норме. Прошу выслать питание.

Я бросил в трубу заготовленный тюбик и вновь обратился к газете. Там, изображенный на рисунке огромного роста дядька, с перекошенным от ярости лицом тыкал винтовкой со штыком маленьких жалких негров, заслонявшихся от грозного оружия ладошками. Подписана карикатура была так: «Янки не пройдут». Кто такие «янки» и куда они не должны пройти, написано не было, и я решил, что янки – это негры, поскольку их много, а дядька один, и потому ему пришлось взять в руки винтовку. Кроме карикатуры на развороте газеты помещались еще две фотографии. На одной, было запечатлено какое-то собрание: за длинным столом, уставленным цветами, сидели люди со скучными лицами. Другая фотография была, повеселее: кудрявый улыбающийся во весь рот парень с большим гаечным ключом стоял у комбайна, с подписью внизу: «К битве за урожай во всеоружии». Больше в газетах, которые мне приходилось про-

смагивать, мне нравилась последняя страница. Да и не только мне. Я замечал, как взрослые тоже быстро оглядывали первую страницу, пробежали глазами по второй и третьей и с интересом читали последнюю. На четвертой странице, с большой фотографии на меня смотрел чумазый человек со счастливой улыбкой на лице, за его спиной темнела стена густого леса, и виднелась макушка буровой вышки. Чуть ниже снимка было написано крупными буквами: «И ударил фонтан», под заголовком, буквами поменьше значилось: «репортаж с места события». Мне и раньше доводилось читать репортажи, то с космодрома о запуске ракеты, то с места испытания нового самолета...

Как подрастающему поколению, так и многим взрослым аборигенам тамошних мест, о телевидении тогда было известно только по рассказам очевидцев. Правда, в доме директора поселкового клуба, человека интеллигентного во всех отношениях, стоял настоящий телевизор, как предмет гордости его владельца. В дни торжеств, для гостей, в перерыве застолья, он включал аппарат и крутил ручку переключения каналов, чтобы присутствующие могли любоваться светящимся голубым экраном, послушать тонкий свист динамиков и убедиться в девственной чистоте эфира в этой части острова.

Живо и талантливо написанный репортаж не оставлял равнодушных и, хоть как-то восполнял пробел островитян в их неумемном желании «один раз увидеть», чем многократно слушать по радио восторженные, но малохудожественные сообщения о новых достижениях науки, техники, спорта.

На этот раз местом события, попавшего мне на глаза репортажа, была избрана сибирская тайга. Начинаясь он бодро:

«Раскаленный диск небесного светила только начал свой путь по небесному своду, залил своим ярким светом бескрайнее море тайги, а в крошечном вахтовом поселке буровиков уже царит оживление. Сюда, за тысячи километров, куда еще недавно не ступала нога человека, куда, как говорят нефтяники: „только вертолетом можно долететь“, люди приехали работать не по принуждению, по зову сердца. До начала смены еще есть время и буровикам надо, как следует подкрепиться. И вот уже в прозрачный таежный воздух вплетается аппетитный аромат гречневой каши с тушенкой – любимого кушанья старшего бурового мастера Григория Потаповича Волобуева...».

Вообразив описанное, я, кажется, даже ощутил запах гречневой каши, запавшей тушенкой, и хотел продолжить чтение, но трубке уже давно что-то скрипело. Пришлось приложить трубку к уху.

– Ты, что там уснул? – возмущенно спросил Вовка.

– И не думал спать.

– А чего не отвечаешь?

– Вот отвечаю...

– Ну, так слушай: самочувствие нормальное, требуется питание.

– Вас понял. Высылаю питание, – по форме, как того требовал Вовка, – ответил я и бросил в трубу тюбик с картошкой. А чтобы не прозевать следующий сеанс связи я оставил трубку у уха, и под чавканье космонавта, доносившегося с «орбиты», снова принялся к газете.

«... Вот и сам Григорий Потапович, он неторопливо выходит из жилого вагончика, кряжистая фигура мастера напоминает былинного героя Илью Муромца, легкий ветерок шевелит его седые волосы. Григорий Потапович долго смотрит в небо, потом взгляд его переносится на вышку. О чем думает он, что мучает его...».

– Вышлите еще питание, – вновь следует указание с космических высот.

Трудно предположить, что мучило Григория Потаповича, зато я точно знаю, что мучает Вовку. Ему скучно в темной вонючей бочке, и от скуки он ест. «Когда корабль уйдет из зоны, надо приготовить питание, пока картошка в кастрюле теплая», – решил я и достал из сумки еще три тюбика с пастой.

«... Следом за мастером из вагончика выходит бурильщик – молодой парень из города на Неве, с простым русским именем Ваня. Поглаживая перебинтованную кисть руки, он улыбается солнечному утру. Вчера во время бурения, соскочивший со шкива трос, поранил Ивану руку. Фельдшер, оказав ему первую помощь, предложил бурильщику день отдыха, но...».

– Самочувствие нормальное! Ухожу из зоны... —объявил Вовка, но, подумав, добавил: – Вышли питание.

Я бросил в трубу очередной тюбик и продолжил чтение.

«... но мужественный парень ответил, что несмотря ни на что, выйдет на смену и будет вместе с бригадой. Такой характер у разведчиков черного... На время... золота...»

В трубке снова возник Вовкин голос:

– Ты картошку солил?..

– Ничего не солил, она соленая была, а другую я еще не набивал...

– Та, точно, соленая была. А эта – какая-то дрянь. И лекарствами прет...

Глянув на стол, я похолодел.

– Вова,.. – как можно ласковей обратился я к другу, – ты бы не мог приземлиться

– Это зачем? – спросил Вовка. В трубке было слышно, как он отплевывается.

– Вова, там не картошка...

– Где, там?

– В тюбике, Вова.

– А куда же она подевалась?

– А никуда... Ее в тюбике и не было,.. – уже давился от смеха я. – Ты съел пасту!..

Из бочки послышалась возня.

– Ничего я и не ел. Попробовал только, чувствую, что не то, и не стал... Ладно, включаю двигатель торможения и захожу на вынужденную...

Засунув недочитанную газету в карман, я поспешил к месту приземления спускаемого аппарата. Без моей помощи, ногами, Вовка уже вышиб крышку и вылез наружу. Без смеха на него смотреть было невозможно: рот, щеки, и даже нос были в пасте. Продолжая отплевываться, он сердито сверкал глазами.

Дома в спокойной обстановке, я прочел репортаж с буровой до конца. Его нельзя было сравнить с репортажем с космодрома или спортивной площадки, но для себя, насколько это было возможно в том возрасте, я уяснил, что настоящий журналист в силу своих способностей и таланта сможет отыскать что-то занятное в самой обыденной жизни. «Люди, их характеры, их позиция, порой бывает гораздо важнее самого события, Наиболее ярко и полно раскрыть эти скрытые от постороннего взгляда – одна из самых важнейших задач журналиста. Единственное, на что не имеет право журналист – право на ложь. Правда и только правда, какой бы она ни была. Что же касается художественного вымысла, то его можно использовать лишь в мелочах. Читателю приятнее читать: „веял теплый ветерок, напоенный ароматного разнотравья лета, чем дух холодный ветер с дождем“, но журналист не в праве, в угоду кому-либо исказить действительность», – наставлял меня отец. Мне тогдашнему, наверное, трудно было вникнуть в смысл слов отца, но все-таки что-то отложилось в мозгах, я понял: обманывать читающий тебя народ нехорошо, а если и придется приврать, то лишь самую малость. Надо отдать должное, мои родители со всей серьезностью отнеслись к моей мечте, и в качестве первого шага на избранном поприще, написать заметку о начале учебного года, который был уже недалек, и в случае удачи, поместить ее в школьной стенной газете. «Пусть это будет зарисовка, небольшой рассказ с впечатлениями...», – предложил отец, „репортаж“, – подсказал я. Пусть – репортаж, – согласился со мной папа. – Главное, чтобы написанное тобой тронуло читателей, задело за живое, заставило сопереживать вместе с тобой...».

Вправду сказать, идея положить на бумагу свои впечатления о начале учебного года после летних каникул, не вызвало у меня большого восторга, но за отсутствием в ближайшем буду-

щем какого другого события, пришлось согласиться и на это. Но самое удивительное, произошло позже, чем больше я свыкался с мыслью с замыслом сделать репортаж о начале занятий в школе, тем более увлекательной виделась мне заданная тема. Поднаторев на попадавшихся под руку газетных репортажах, я с нетерпением, как никогда прежде, так не ждал первого сентября.

И день тот наступил. Как всегда было всего: цветы, улыбки, приветствия, поздравления. Смущенные и счастливые от внимания первоклашки, их родители в праздничных одеждах, гомонливые, непоседливые школьники среднего поколения, степенные старшеклассники, учителя с торжественными лицами. Линейка, хорошие слова, пожелания и звонок. Пахнущий свежей краской школьный коридор, скрипучий еще блестящий пол, светлый класс, ряды парт... И цветы!.. Цветов много – на подоконниках, на партах, цветами завален учительский стол. На пороге наша учительница – Мария Михайловна. Шум стихает. «Здравствуйте дети!..»

Едва дождавшись звонка с уроков, я кинулся домой. Впечатления, которым суждено лечь на бумагу, рвались на свободу.

«Был теплый и солнечный день...», мгновенно художественно вымыслил я, потому, что не хотелось писать про тучи на небе, готовые пролиться дождем во время линейки. «В прозрачном воздухе витал запах сгоревшей ботвы картошки, занесенный с совхозных полей», – не слукавил я. «На деревьях краснели и желтели листья...», – пришлось отметить красоту увядающей природы. «У школы собралось много народа. Сегодня – первое сентября...», – резал правду-матку.

Первые строчки вылетели из меня мгновенно. О чем писать дальше, пришлось задуматься. Если излагать, что запомнилось, получалось бы очень длинно и я решил описать лишь обстановку в нашем четвертом «Б».

«Первым в класс напоенным ароматами известки важно входит Вова Мельников...»

Вовка влетел в класс чуть ли не последним, уже, когда там была наша учительница Мария Михайловна, потому что Вовка мой лучший друг, опять же используя право автора, я запустил его первым.

«... влечет из форточки ветер шевелит Вовин чуб, больше на голове Вовы шевелиться нечему – он вчера был в парикмахерской. За ним гордо ступает Юра Волков, под глазом у мужественного мальчика синяк. Это вчера, он подрался с Колей Петровым из-за рогатки. Юра Колю побил, и Коли сегодня нет в школе...»

Последнее предложение мне понравилось больше всего другого, получилось рифма: «Коли нет в школе...» И с воодушевлением, я продолжал: «Улыбаясь во весь рот, следом за Юрой идет Наташа Гвоздева, на ней белый фартук и большой розовый бант в косичке. В портфеле у Наташки вместе с учебниками и тетрадками лежит кукла, зато она не ябеда...»

В строгом соответствии с отцовскими рекомендациями, я отражал характеры и склонности своих героев.

«А вот наш отличник Леша Седов! Он хорошо учится, любит школу, помогает старшим, но боится мышей и совсем не умеет плавать. За Лешей вразвалочку идет Жора Хрящов, прошлой весной на спор он съел восемнадцать пончиков за раз, и не лопнул...»

Дальше все шло, примерно, в том же жизнеутверждающем духе, но, честно говоря, мне надоело описывать каждого входящего в отдельности, и чтобы придать динамику действию, я вспомнил прошлогодний эпизод, втокнул в классную комнату всех скопом.

«Дверь с треском распаивается и, сидя на двух мальчиках – Ване Силаеве и Славе Малышеве, въезжает Мишка Гмыря, Миша самый большой в классе, он должен учиться уже в пятом классе, но учится у нас, потому что отстает по письму. Когда все на своих местах, входит Мария Михайловна...»

В нашей сахалинской квартире был единственный на весь учительский дом телефон, и учителя часто приходили к нам позвонить родственникам в те города, откуда они приехали.

Приходила и Мария Михайловна. Я случайно подслушал ее разговор. «Долг журналиста донести до читателя информацию во всем ее объеме, какой бы та информация не была. Журналист не имеет право скрыть истину...», – к месту вспомнились слова отца.

– Еще вчера Мария Михайловна говорила, что для нее первое сентября для нее, «как острый нож в сердце, и что ей снова придется целый год мучиться с этими охламонами...», а сегодня она улыбается и говорит, что очень рада этому дню и счастлива, видеть нас.

Исписав почти четыре тетрадных листа, на последней – недописанной, чтобы место не пропадало зря, я крупно начертил: «Да здравствует Первое Сентября». О чем оставалось пожалеть: репортаж мой был написан от руки, хотя я старался писать разборчиво. Теперь оставалось подумать, что с моим репортажем делать дальше. Можно, конечно было отдать его отцу, чтобы он включил его в выпуск стенной газеты, но выпускали такие газеты нечасто, а мне хотелось уже сейчас знать реакцию на публикацию. И я решился на рискованный шаг: взял большой ватманский лист и наклеил на него листки. А чтобы все было похоже на настоящую газету, вывел наверху: «Классная жизнь». Получилось неплохо.

Ночь я спал беспокойно. В школу пришел раньше всех. Повесив газету туда, где обычно висит «экран успеваемости», сел на свое место и стал с волнением ждать прихода одноклассников.

Первым, как положено всем отличникам, появился Лешка Седов. Он долго рылся в своем портфеле, выкладывал учебники, тетради, пенал и совсем не обращал внимание на стену, где висела газета. Заметила ее Ирка Голубева, появившаяся в классе пятью минутами позже. Она бросила портфель и подошла к газете. Мое сердце забилося где-то в районе щиколоток. Читала Ирка довольно долго, и тем привлекла внимание нашего отличника, он оставил в покое свой портфель и присоединился к чтению. В это время в класс вошли два неразлучных друга – Юрка Волков и Витька Лямкин, и тоже подошли к газете. Первым откликом на мою публикацию было Иркино «фи», с ним она, даже не взглянув в мою сторону, удалилась в коридор. Про нее я написал, что она очень уж опекает второгодника Гмырю.

«Чу, шу – пишу с буквой «У», – назидательно заметил Лешка.

В класс вошли еще ребята. И что тут началось...

Во весь голос гоготал Гмыря, заливались хохотом, и комментировал «характерные черты» одноклассников, Витка Лямкин. А «мужественный мальчик», с фингалом у глаза, ознакомившись с газетой, поинтересовался: не хотел бы автор написанного заполучить такую же печать на физиономии. Его предложение полностью поддержал пострадавший Колька Петров, про кого так хорошо получилось: «Коли нет в школе», Колька полностью опротестовал причину драки с Юркой...

Но главная цель была достигнута! Моя газета не оставила никого равнодушным, она тронула, задела за «живое» каждого. Даже мой самый верный друг Вовка Мельников, подойдя ко мне на перемене, презрительно спросил: – «Намекаешь?..»

– На что?.. – удивился я, в полной уверенности, что его-то, точно, ни чем обидеть.

– А на то, что, на лысой голове уши сильнее торчат! – процедил он, забирая свой портфель с нашей парты. Я хотел объясниться с другом, но прозвенел звонок и вошла Мария Михайловна. Она сразу увидела газету.

– Это что, дети?..

– Да есть у нас тут один писатель! – язвительно провозгласил Колька Петров, пустив смешинку по классу.

Учительница подошла к газете. Я напрягся. Судя по тому, как она прочитывала текст, можно было предположить: улыбалась, видимо, находя что-то забавное, хмурилась, вчитываясь в мои каракули, покачивала головой, когда находила ошибки, а в конце вдруг побледнела.

На первой же перемене я сорвал газету со стены и спрятал ее в портфель. Однако слух о моем творчестве распространился по всей школе. Весь оставшийся учебный день за мной ходили толпы ребят и просили почитать газету.

Короче говоря, мой дебют в журналистике принес мне сплошные неприятности. Вовка Мельников, кроме того, что переселился от меня на последнюю парту, не разговаривал со мной целый день. После уроков, я догнал его на улице. Мы поговорили. Как настоящий друг, Вовка понял меня, но не переставал удивляться: – «На кой черт, тебе сдалась эта писанина...»

Хороший день

Утро, казарма замерла в настороженном чутком сне, в готовности прерваться всякую секунду короткой командой «подъем»... Солдатский сон бесценен, как не имеет цены все солдатское для многочисленных командиров и начальников, стоящих над солдатом. Бесценен сон и для самого солдата, потому как нельзя оценить считанные часы, когда солдат волен от приказов командира, от уставов, только во сне он видит далекий родной дом, лица близких и любимых.

– Товарищ сержант!.. Ну, товарищ сержант! Вставайте же, пора... – слышал Илья над самым ухом и чувствовал у лица жаркое отрывистое дыхание. Он с трудом разлепил веки. Склоненная фигура дневального Квакуши висела над ним.

Спал Илья на традиционном месте дежурных по роте всех времен – на жестких матах под гимнастическими брусьями. Потирая отлежанную на шершавом чехле щеку, он сел и еще с минуту боролся с неодолимым желанием снова рухнуть на маты. За окнами светало. Дневальный оставался стоять перед ним.

– Ну, что встал столбом, иди форточки открой, душно.

Илья потянулся и тряхнул головой, стряхивая остатки сна.

Квакуша выполнил приказ и вновь возник у брусьев.

– Ты чего?

Дневальный развел руками.

– Та я того... Як... Как, то есть... Тут, товарищ сержант, и не знаю як быть... Быть...

– Что ты мямлишь! Что случилось? – Илья взглянул на часы, но в казарменном сумраке не смог разобрать положение стрелок на циферблате. – Сколько время?

– Та ничего нэ случилось. Ничого такого... А время зара... тильки гимн гралы, тэпэр – теперь новости... – заволновался Квакуша, мешая русские и украинские слова.

– Как «тильки гимн гралы», сегодня же воскресенье – подъем на час позже. Чего же ты меня так рано разбудил, лапоть! – Илья хотел обозлиться на дневального, но раздумал и снова растянулся на матах. – Ладно, иди на тумбочку.

Дневальный не тронулся с места.

– Что еще?

– Та я того... Дило... Дело такэ...

– Говори по-украински, – разрешил Илья.

– Я, товарищу сержант, нияк нэ пойму... – Квакуша опять развел в стороны руки. – С подйомом, як бытии?..

– А в чем, собственно проблема?

– Шо? – подался вперед дневальный.

Илья вздохнул:

– Ты, кажется, хотел спросить что-то про подъем. Какие трудности?

– Та я ничего. Цэ товариш рядовой Дюдин. Кажуть, шо подйома седни нэ командують...

– Ах, товарищ рядовой Дюдин «так кажуть»! – усмехнулся Илья, как второй дневальный инструктировал Квакушу перед тем как завалиться спать

Витька Дюдин был с Ильей одного года призыва и почти земляк – из подмосковного города Химки. Витька не упускал случая, ради хохмы, покуражиться над молодыми. После его «отеческих» наставлений уборщики мыли ступеньки лестницы до третьего этажа снизу вверх. «Возможна утечка военных секретов в грязи», – объяснял он свои требования. Принимая наряд по роте, Витька мог запросто заставить дневальных пересчитать поштучно патроны в ящиках боеприпасов, проверять, как на пакете молока, срок годности на противотанковом гранатомете – «чтобы страна могла спать спокойно». Страна давно видела сны, а наряд

во главе с дежурным по роте, тоже из молодых, ворочали тяжелые патронные ящики и ломали голову над вопросом: где на теле «шмеля» указан срок годности. На гарнизонную гауптвахту за неуставные отношения, Витьку отконвоировали, после того как он настойчиво понуждал дневальных побрить гипсовый бюст вождя мирового пролетариата в ленинской комнате, а заодно привести в уставной порядок внешности других теоретиков научного коммунизма, портреты которых висели на стенах в «ленинке»: «заросли больно – смотреть противно!».

Квакуша шмыгнул носом:

– Ага, так кажуть...

– И как товарищ рядовой это мотивировали?

– Шо?..

– Шо, шо! – передразнил дневального Илья. – Что тебе сказал Дюдин про подъем?

– А-а... – понимающе протянул тот. – Та ж спочатку такэ казав товариш старший лейтенант...

– Как?! Дежурный по части сказал, что подъема сегодня не командуют?.. – изумился Илья. – Так тебе и сказал?...

– Ни... ни мэнэ, – замотал головой Квакуша, – то он, казав товаришу рядовому, а товариш рядовой...

– Ну, хорошо, оставим тот дюдинский бред, ты сам-то подумал: с какой радости, вдруг, сегодня не командуют подъем? Ведь устав никто не отменял даже по воскресеньям!..

– Та ж, цэ выборы!..

– Ну, выборы, и что из того?..

– Як шо?.. – Квакуша недоуменно уставился на Илью. – Власти нэмаэ!..

– Ты!.. Ты, это чего?.. – опешил Илья, приподнимаясь на локоть. – Ты соображаешь, что говоришь?.. Как это «власти нэмаэ»? И куда же она, по- твоему, подевалась?

– Та ж, того... як його... – голос Квакуши задрожал. – Выборы... Товариш рядовой так казали: одних вже немаэ, а других ще выбрати треба... И по радиву тэж самэ...

– Что и по радио говорят, что у нас власти сегодня нет? – строго спросил Илья.

– Ни... По радиву гутарят, шо выборы, – пояснил дневальный. – Дуже гутарят, я у шесты годын бачил... И ышо... – он опасливо огляделся, – ышо, не по радиву, товариш рядовой казали, шо ым лично на власть – тьфу! Чи вона е – чи ни. Так и казали, як отдохнуть пошли...

– Занятно!.. – Илья заложил руки за голову. – А больше ничего, кроме того, конечно, что в стране в период выборов царит безвластие и выражения личного презрения к государственному управлению, как к таковому, товарищ рядовой ничего не имел сообщить еще?.. И когда, кстати, они отправились на отдых?

Квакуша замялся.

– Ясно – военная тайна! – спать уже не хотелось, Илья ухватился за стойку брусев, принял сидячее положение. – Значит, радио ты слушал! И что же творится в мире? А то спросит тебя замполит про международное положение, а ты опять пузыри пускать будешь, а мне, как твоему командиру краснеть придется. Вот так, возьмет и спросит: какие, товарищ Квакуша, события в мире волнуют наше, так сказать, прогрессивное человечество?.. – подражая замполиту, дурачился он.

– Яки события?.. – с силой потер шею Квакуша никак не ожидавший такого поворота. – Та начэничого такого вроде нэбуло...

– Вот тебе и раз! Ты говорил: новости «бачил». Новости, мой друг, передают целых пятнадцать минут, – ты «ни чога нэбуло». О чем говорили в новостях?

– Та там усякэ такэ разнэ, товаришу сержант... Выборы!.. – по-детски улыбнулся дневальный. – За выборы дуже гутарят...

– Хорошо, выборы куда? В Государственную Думу, в Конгресс, Кнессет... Куда?

– Того... У Верховный Совет

– Годится! – оценил осведомленность подчиненного Илья. – С выборами проехали – краем уха слышал. Что еще?

– Ну, як... – Квакуша напряженно засопел. – Приезжал к нам цей... Хоннекер! – с радостью вспомнил он.

– Когда приезжал?

– Кажись учера...

– Так, вчера к нам приезжал Эрик Хоннекер. Кто он знаешь?

– Вин у Германии... Та, кака наша... Цэ, як Брежнев там, – нашелся с ответом Квакуша.

– А еще, что в мире происходит? В общем, и целом...

– Бастуют... Бастуют там вси. Нэ хочут жить...

– Что ты говоришь?.. – деланно удивился Илья. – Вот так, прямо и не хотят жить?..

Лицо Квакуши расплылось в понимающей улыбке.

– Ни... Те, кто живэ погано – не хочут так жить, а хочут жить гарно, и бастують...

– И где, где бастуют?

– Та... – Квакуша поднял глаза к потолку. – У Америке, у Англии... Та, визди дэ социализма нэмаэ! – победоносно закончил он.

– Правильно рассуждаете, дорогой товарищ, – ничего не имел против экзаменатор. – Дорога наша верная, идеи наши ясные, наша цель...

– Коммунизм! – торжественно закончил Квакуша.

– Уверен?

– А як же! То есть – так точно!

– Молодец! – похвалил подчиненного Илья. – Далек пойдешь, если вовремя не остановят.

– И ышо, товаришу сержант, по радиву про мужика одного казалы... – вошел во вкус дневальный. – У новостях! Кажалы, шо його в турму спочатку, а потим ни выдпустылы, бо дюже гарный мужик казался...

– Так, так, – подыграл Илья. – Как фамилия того гарного мужика. Фамилия, домашний адрес, статья, срок?

– Як його... вин цей – Чорный – негр! У Африке живэ. Фамилия в нього ще така некультурна, така срамна. Як його... Манд...

– Ну, яка, яка фамилия? Вспоминай!

– Манд... Манд... Мандюла?.. Чы ни?..

– Мандела! – не стерпел Илья. – Разгильдяй, оболтус, фофан, тундра, неорганизованная личность! Идите, товарищ солдат, идите и выполняйте свой воинский долг! – оптом выложил он весь светский набор слов и выражений замполита в подобных случаях. А от себя добавил: – и не просто иди, а иди... на тумбочку.

За окнами уже было совсем светло, небо голубело на глазах.

Илья решительно поднялся с матов. Нашарив в своей тумбочке зубную щетку, пасту, мыльницу и бритву, он вышел из мрака спального отделения в свет коридора. У зеркала напротив тумбочки дневального поправил ремень с штык-ножом, пятерней пригладил всклокоченные волосы. Квакуша подпирал стенку. В зеркальном отражении при свете люминесцентных ламп, его лицо было серым, неживым, покрасневшие глаза тупо упирались в дверь, одетая задом наперед шапка была нахлобучена по самые брови, казалось он не видит и не слышит ничего, что происходит вокруг.

– Майор сзади, – сделал замечание Илья.

– Який майор? – вздрогнул Квакуша.

– Шапку поправь, суслик.

«Спит, стоит и спит!», – Илье вдруг стало жалко этого щуплого украинца с маленьким острым носом усыпанном точками веснушек и юношеским пушком над верхней губой. «Гад –

Витька, совсем заездил парня», – со злостью подумал он про второго дневального, намыливая лицо над раковиной. «А ведь день только начинается. Витька теперь будет дрыхнуть до завтрака, да и потом час-другой прихватит. И ничего не скажешь – дед! Только заикнись – весь призыв поднимется скажут, что потакаю молодежи, либеральничаю, а они «буреют»... Хотя, кому-кому, а Витьке в свое время тоже досталось. Восемь месяцев в учебке с дедами-кавказцами! Это не шутка. Каждый джигит считал своим долгом поглумиться, показать свое превосходство над москвичом. А сколько Витька посуды за других перемыл, сколько картошки перечистил... Это сейчас он со смехом вспоминает, как унитаза зубной щеткой чистил, а сколько хэбэ с чужого плеча перестирал, сколько сапог перечистил. А что еще перетерпел и о чем молчит... Нашим салагам такое и в кошмарном сне не привидится. А с другой стороны Витька сам выбрал такой путь. Поступил бы в свой МАИ на дневное отделение и не пришлось бы идти в армию, а с вечернего его и загребли... Ведь электронщик от Бога. На нем вся оперативная связь держится. Его с губы, где Витька сидел за неуставняк, сам начальник штаба армии забирал – генерал, когда на узле связи какой-то сбой произошел. Нет связи, и никто не может наладить. Генерал на гарнизонку лично приехал, шороху там навел. А Витька и в камере остался верен себе, резинку из трусов вытащил и мух стал бить и убитых рядком на подоконник складывать. Заходит генерал, Витька ему убиенных мух с гордостью показывает, мол, не зря хлеб комендантский ем. Так и возили его, днем – на узел, а ночевать в камеру. Уважают Витьку, все офицеры-связисты, здороваясь с ним, всегда берут под козырек. А что молодых он прижимает – то не со зла, не злой Витька человек», – полностью оправдал к концу бритья второго дневального Илья.

Из приоткрытой двери комнаты дежурного по части струился приглушенный свет и тянулся сизый сигаретный дым. Старший лейтенант Возняк – такими были звание, и фамилия дежурного по части. В части он был человеком новым, лишь полтора месяца назад его назначили командиром взвода связи. И все это время о новоприбывшем старшем лейтенанте ходят самые разнообразные слухи. Доподлинно известно, что до недавнего времени Возняк служил в штабе округа, и занимал там довольно высокую должность, и носить бы ему давно четвертую звездочку на погонах, если бы не его рапорт о переводе в войска. Там в областном городе – миллионнике, кроме перспективной карьеры у него остались жена, ребенок, квартира. Объяснить поступок старшего лейтенанта пытались объяснить тоже по разному: одни говорили, что та высокая должность оказалась ему не по плечу, другие утверждали, что офицер он из тех, каких еще надо поискать, просто у него не сложились отношения с начальством, третьи видели причину в превратностях личной жизни Возняка. Существовала и четвертая версия, которая чудесным образом объединила в себе три первых, и ставила все на свои места – Возняк ушел от жены к другой женщине. Дело-то, в общем, житейское, с кем не бывает, если бы не одна существенная деталь – старшему лейтенанту было, что терять. Бывшая супруга Возняка была дочерью какого-то важного штабного генерала.

– Проходи, присаживайся, – по-свойски кивнул на приветствие Ильи. На столе дежурного лежали распахнутые книги, толстые тетради, но центральное место занимала оловянная пепельница, доверху наполненная окурками. – Короткая оказалась ночь. Сделать удалось всего ничего, а уже утро, – улыбнулся он в свои пышные усы.

– К политзанятиям готовитесь? – неожиданно даже для самого себя спросил Илья, заметив на столе «Краткий курс всемирной истории»

– Не совсем... Лучше сказать – к жизни готовлюсь. Оно так вернее будет... – Возняк в загадочной полуулыбке сощурил глаза, убирая со стола книги и тетради. – Сессия скоро. Контрольные пишу, а времени, как всегда не хватает.

– Контрольные!.. Вы учитесь? В академии?..

– Почему же обязательно в академии? Наши законы позволяют военнослужащим учиться и в гражданских учебных заведениях.

Илья смешался.

– Ну, да заочных академий не бывает...

– Тут, я тебе скажу, ты не прав! – усмехнулся и поднял глаза Возняк. – Бывает, и еще как бывает!.. Правда, не на всех это распространяется. Но за то те «избранные» могут заочно закончить и две академии сразу, да еще экстерном... А я в университете учусь. На философском факультете, – он протянул Илье пачку сигарет: – Кури.

– Не курю.

– И не пью! – в тон прибавил Возняк, закуривая.

– И не пью!

– Конечно, принципиально?

– Если хотите, принципиально, – почувствовав в интонации старшего лейтенанта издевку, вернулся к начальной теме беседы:

– Я тоже до армии собирался в университет поступать...

– «Хотел» – это как?

– На журналистику сдавал документы, а там творческий конкурс – опубликованных работ не хватило. Напечататься трудно.

– Ничего, после службы обязательно поступишь!..

Илья с удивлением посмотрел на Возняка. Тот оставался невозмутимым.

– Поступишь! – уверенно повторил он. – Твои статьи с удовольствием берут в окружной газете. У меня там сосед по общежитию редактором работает. Хвалил! Отзыв тебе хороший под дембель дадут, рекомендации... Поступишь.

– Разве то, что я пишу – материал? Так... – отмахнулся Илья. – Заказывают, например, статью о зимних стрельбах. И что писать?.. «Ефрейтор Иванов одной очередью поразил все мишени, а рядовому Петрову, чтобы завалить одну фигуру потребовалось пол-ящика...». А писать нужно про перворядника по стрельбе Иванова, а о Петрове лучше не распространяться, потому что этот петров автомат держал в руках один раз в жизни и то, когда чистил его какому-нибудь «деду»! Скользнуть по поверхности можно. Такое напечатают. Копнешь глубже – нет. То – очень остро, то – недостаточно злободневно, то – такого в нашей армии нет, потому что такого быть не должно. Замкнутый круг...

– А что ты хотел? Опубликовать статью про твоего Петрова и сообщить между делом, что он чистит оружие старослужащим, значит признать, что у нас в армии процветают неуставные отношения. Причем повсеместно! Никому не будет дела, что произошло имело место быть в отдельно взятой части. А напиши, что фамилия того рядового не Петров, а какой-нибудь Ахмед-Оглы – налицо дискриминация по национальной принадлежности, и еще вкуче с «дедовщиной». Катастрофа! Печатное слово имеет великую силу, особенно в нашей стране, где строчке с газетной полосы верят безоговорочно. Журналистика, как и политика – узкий коридор. Редакторы на то и приставлены, чтобы публикации находились в рамках этого коридора. Шаг в сторону чреват самыми страшными, а главное непредсказуемыми последствиями...

– Коридор... – задумчиво произнес Илья. – Выходит писать у нас можно только о том, о чем можно, а не о чем нужно...

– О-о! – загородился руками Возняк. – Долгий у нас с тобой разговор получится... И потом «нужно» кому? И «нужно» для чего?.. Подумай над этими вопросами...

– Что же тут думать: кому – нам с вами, всем, а для чего – чтобы улучшить то, что сейчас плохо, изжить недостатки... – пожал плечами Илья.

Возняк покачал головой.

– Не все так просто. Стоит ли улучшать то, что уже устоялось, прижилось, и по совети сказать, не так уж плохо. Опыт показывает: очень часто попытки изменить что-то к лучшему в человеческом обществе оборачивалось большими трагедиями. «Благими намерениями

услана дорога в ад», так, кажется, гласит библейская мудрость. Тем более в нашем обществе, где революционные традиции укрепились на генном уровне. Теперешняя экономическая и политическая стабильность нам дорого досталась, о ее цене мы еще не скоро узнаем, а может быть не узнаем никогда...

– А почему мы не имеем права знать всю правду? Как же «свобода слова», – осторожно спросил Илья. – Ведь на Западе пишут обо всем: критикуют правительства, президентов, пишут о преступлениях, о скандальных разоблачениях...

– А ты знаешь, под какими лозунгами Гитлер пришел к власти?.. – вновь хитро улыбнулся Возняк. – Поинтересуйся... А что касается про государственное устройство «там», не стоит обольщаться. Действительно там пишут и о том, и о другом, и о третьем, но избавилось ли их «свободное общество», как они любят себя называть, от недостатков, пороков, стали они лучше?..

Илья вновь обратил внимание на корешки книг на столе. «Эммануил Кант», прочитал он и невольно посмотрел на Возняка. Образ седоволосого старца ежеминутно изрекающего мудрые истины никак не вязался с внешностью старшего лейтенанта – молодого, полного сил здоровяка.

Он поймал этот взгляд и положил руку на книги.

– Вот никогда не думал, что придет время, и я буду читать запоем Канта, Гегеля, Оффенбаха, а попробовал – увлекло. Философия – наука древнейшая, из нее все другие науки выросли. Жил Кант двести лет назад, а думал про то же, про что думаем и мы, мучительно решал те же вопросы. Только по лености своего ума мы не додумали, а он дошел до самой сути. Во всем разобрался. Все объяснил. Для нас!.. В сущности, за двести лет ничего не изменилось в человеческих отношениях. Не изменилось и за две тысячи лет. И античные философы решали схожие с нашими проблемы. И успешно, надо сказать, решали – оставили богатейшее наследие. Казалось бы, бери – пользуйся. Ан нет, каждое поколение норовит переиначить их мудрости на свой лад, подстроить под себя. Вот если бы миром правили философы то, возможно, человечеству удалось бы избежать многих бед, и сам мир мог быть более гармоничным и справедливым... Впрочем, как знать... – Возняк бросил в пепельницу давно потухшую сигарету и взглянул на часы. – Заговорились мы с тобой. Как будем людей поднимать?..

– Ах, да! – спохватился Илья. – Я к вам то с этим и шел. Выговорили что-то дневальным...

– Тебе голосовать раньше приходилось или сегодня в первый раз? – неожиданно спросил Возняк.

Илья кивнул.

– Пришлось, за месяц до армии. В городскую власть выборы были. Конфуз, правда, тогда вышел, – улыбнулся он. – Мне тогда только восемнадцать исполнилось. И выборы... Отец со мной беседу провел. Объяснил, что к чему, и кем я стал. Мать костюм с галстуком заставила надеть. Встали пораньше и вместе пошли на избирательный участок. На улице музыка. Отец по дороге цветы купил, говорит: администратору подаришь. Всё празднично! Пришли, а там!.. Активистка у нас в подъезде есть, везде свой нос суёт. Пришла с утра и для отчета за всех сразу проголосовала. За весь подъезд. А мы с цветами... Отец распетушился, пошел куда-то разбираться, а мама даже заплакала. Они меня так готовили.

Возняк погладил усы и посмотрел в окно.

– «Голь на выдумки хитра», – проговорил он немного погодя. – Ну, что же, будем считать, что ты, как и многие наши бойцы, сегодня в первый раз пойдешь голосовать. Давай сделаем так, чтобы этот день запомнился ребятам. Как-никак, а выборы в высший орган власти! Мы не будем сегодня командовать подъем, просто включим хорошую музыку. Пусть каждый сам для себя решит: спать ему или идти и исполнять свой гражданский долг. Найдется у нас магнитофон или проигрыватель с пластинками?

– Конечно, найдем! – от возбуждения Илья даже вскочил со своего места. – Будет музыка! Это вы здорово придумали...

Встал из-за стола и Возняк.

– Это не я придумал. Такое практиковалось еще в царской армии в начале века, во время выборов в Государственную Думу, утром в день выборов под окнами казарм играл полковой оркестр, что бы солдаты почувствовали свою причастность к начавшимся тогда реформам. Пусть и наши солдаты ощутят себя гражданами своей страны. Давай включай музыку. Только... – он взял за рукав Илью. – Что вы сейчас любите слушать?

– Назарет! Есть такая ирландская группа.

– Хорошая музыка?

– Очень!

– Ну вот, свой Назарет послушаете потом, а сейчас включи что-нибудь отечественное. В конце концов, мы не премьер-министра Великобритании выбираем, – улыбнулся Возняк своей улыбкой.

Гремела «По волне моей памяти» Давида Тухманова, казарма оживала, солдаты потянулись к умывальникам. Илья вошел в ленинскую комнату.

«... положений и выводов, сделанных в предвыборной речи перед избирателями Бауманского района столицы, кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, Генерального Секретаря ЦК КПСС, Маршала Советского Союза, товарища Леонида Ильича Брежнева, дадут новый импульс в работу министерств и ведомств, в дело созидательного труда всего советского народа...»

В этом привычном, многократно перечисляемом списке брежневских должностей, Илья вдруг обнаружил подмену: вместо Председателя Президиума Верховного Совета на этот раз назвали воинское звание. Из чего следовало, что верховной власти в стране нет. Он улыбнулся, вспомнились слова Квакуши: «одних вже нэмаэ, а других ще выбрати треба».

Убавив громкость динамика, Илья достал из кармана записную книжку с ручкой и в самодельном календарике зачернил квадратик шестьсот пятьдесят второго дня, белых квадратиков оставалось шестьдесят восемь. Он уже хотел положить книжку обратно в карман, но потом отлистал несколько страниц, куда он записывал впечатления от каждого прожитого дня, и уверенно написал: «День хороший». Обычно такие записи он делал после отбоя, но сегодняшний день начался уже хорошо, а значит таким и будет.

Письмо

Младшая сестра Евдокии – Мария, отставшая по рождению от старшей на два с небольшим года, в Сосновой жила лишь до замужества. Уехала из родной деревни перед войной, вслед за мужем своим Андреем, тоже сосновским, посланным по окончании шоферских курсов на строительство большого бумажного комбината, какое затевалось в соседнем районе. Там молодым выделили комнатку в общежитии, но Андрей, был мужик обстоятельный задумал построить собственный дом и построил. От его свежеекрашенного крылечка, теплым летним утром, только разродившаяся первенцем Мишкой, проводила Мария своего молодого и красивого мужа на войну, чтобы встретить его поседевшим и одноногим инвалидом, холодным декабрьским вечером в дверях той же комнатки общежития. Большую воронку с лужей мутной воды на дне оставила немецкая фугаска на месте их дома. Благо, что молодая мать с ребенком по случаю отлучилась из дому – тем и спаслись. После войны, когда нужда еще держала в узде, в надежде на лучшее, родила Мария погодок – сына Витька и дочь Зину. В шестидесятых – Михаил уже работал, младшие заканчивали обучение в школе – вздохнула посвободнее – полегчала жизнь, да на беду запил со смертельной тоски калеки муж. Не смогла отвадить его Мария от пьяной компании, не уберегла от гибели, овдовела. Теперь живет в комбинатовском поселке в семье дочери.

Вся жизнь Евдокии, от самого ее начала и до закатных лет протекла в пределах сосновской околицы. Здесь нашла она свое счастье в замужестве за деревенским кузнецом Степаном, мужиком суровым на вид, но добрым и мягким, сердцем. Родила она ему двойню пацанов. Вот только недолго суждено ей было быть счастливой при муже и детях – ушел хозяин на фронт да и сгинул там без вести пропавший. Узнала про то Евдокия уже после победы, а четыре года все ждала. Мыкала горе в оккупации, оставшись без крыши над головой, после того как немцы спалили деревню. Голодная холодная в погребушке с мальцами и старухой матерью на руках, перебивались с соломы на жмых. Схоронив мать, – порадовалась, – ртов поменьше и была наказана. Навалилась на пацанов дифтерия, одного выходила – другого же задушила проклятая напасть. Хлебнула горя горького Евдокия в те годы, хлебала его полными горстями, она безмужняя и потом.

Возвращались с войны мужики, какие уцелели, сразу брались за топоры да пилы. Заново отстроили деревню. Запели было петухи, замычали коровы на крестьянских подворьях, – оживала деревня. Но кому-то стало поперек горла такое мужицкое благоденствие, – обложили, для начала, налогами – до последней курицы, до тонюсенькой яблоньки, а потом принялись укрупнять да разукрупнять хозяйства.

Центральную усадьбу колхоза сделали в соседнем с Сосновой – селе Костино, там и магазин отстроили, клуб... Туда и сосновцы мало-помалу перебираться стали, уезжали вместе с домами. Какие туда, а какие и вовсе из деревни в города подались. Работала Евдокия много – дояркой на ферме, свое хозяйство немалое держала. Не о себе думала, – о сыне, его растила. Ее Колька после восьмилетки пошел в школу механизации. Потом Армия. Три года служил, не где-нибудь, а в самой Москве. Думала мать не вернется в деревню на манер многих своих сверстников. Вскружит ему голову райская городская жизнь. А вот вернулся! Стал работать в колхозе, через год женился – дети пошли – внуки Евдокии – старшая Аленка, помладше – Серега. Колхоз им на центральной усадьбе им с домом помог, отстроились. Звал Николай мать к себе жить, отказалась, еще посмеялась, что в ее годах жительство менять разве что на место на погосте за речкой.

Клавдия – жена Николаю, попалась сноровистая, работающая, везде успевает, и на ферме бригадирствует, и дома хозяйство свое в порядке содержит. И свекровь не забывает, нет-нет, а забежит – полы примется мыть, сготовит что, постирает... Николай навещает мать тоже,

но редко. В колхозе дел у него – делать, не переделывать – с утра до ночи. Когда и заглянет, если, не выпивши, – пособит, что мать попросит. Внучка же Алленка в бабкином доме сызмальства – хозяйка, Серега тот не такой – когда пришлют его родители передать что, или так проведать, сидит как на иголках, ерзает непоседа, поест и вон из хаты. А Алленка и кур покормит, и уток до пруда проводит, и в горенке подметет, и все сама, без подсказки.

Тяжел был век Евдокии, только к старости послабление в трудах и заботах обрела. Добро на душе – покойно. Беспокоить, волновать – некому, одна ведь. А с другой стороны – скучно. И на деревне скучно. Да и какая она деревня стала – двадцать стариковских избенок. Зайдут, разве когда, соседки – поговорить и то радость, дети, внуки раз-другой наведаются – и счастлива Евдокия!

Невесть, какое расстояние разделяет сестер, а видеться доводится нечасто. Когда были помоложе – друг к дружке ездили. Бывало, соберется к автобусу Евдокия – на денек к сестре. Больше то куда?.. – хозяйство. А то Мария барыней (почитай городская), в родные места наедет. Ну, а как годы стали брать свое, тут уж не до переездов. Разве когда Михаил – старший Марии в Костино командирится на машине, прихватит мать с собой – доставит в Сосновую. Встретятся тогда, будут говорить- не наговорятся, а прощаются всегда со слезами, как в последний раз. Остается одно – письма. К Новому году или к Рождеству, к Майским или Пасхе, обрадует одна другую весточкой, поздравлением.

Раньше Евдокия писала письма сама. Грамоте не шибко обученная, писала долго – по неделе, а то и больше. И то хорошо. Случится, запомнит одним днем – другим, вспомнит, – допишет. Все обскажет, все сообщит – новости сосновские и костинские: кто к кому приезжал, кто – куда уехал, кто умер, а кто родился, кто женился, а кто наоборот – развелся... Потом, когда глаза Евдокии стали сдавать, письма для Марии, под бабушкину диктовку, писала Алленка. Писала и Клавдия. Одну или две открытки тетке подписывал Николай.

Теперь Алленки нет – учится в пединституте в городе, приезжает домой только на каникулы. К детям Евдокия обратится, стесняется, – забот у них полон рот. На внука надежды и вовсе мало – не частый он гость у бабки. Самой же ей писать, нет никакой возможности, как на грех, катаракта глаза застелила, спасибо хоть день от ночи отличает. А так, хоть плачь. Мучается старуха – третий месяц письмо от сестры лежит безответным. И к соседям не обратишься – такие же старые, кто грамоту и знал, уж и позабыть успел, и тоже глазами мучаются. Однако без совета не оставили, – надоумили поделиться своей канителью с почтальонкой, что носит в Сосновую пенсию. Авось, не откажет. Надежда, бабочка хоть бедовая и разбитная, такая иному мужику ни в чем не уступит, но сердцем к чужой беде отзывчивая, и еще пошел слух, что отмаялась она одна, наладилась ее семейная жизнь, – нашелся добрый человек, нашла-таки Надежда свою половинку. А бабе что, ей хорошо и она хорошим другим оплатит. Так думала Евдокия.

Ко дню пенсии, старуха припасла четвертинку водки, утром, перед приходом почтальонки, слезила в погреб, достала шмат сала и банку соленых огурцов. Приготовив нехитрую закуску, до поры припрятала ее в стол, и, притомившись, присела дожидаться желанную гостью.

Мирно стучали ходики на стене, за окнами во всю гуляла метель и под эти звуки, облокотясь на стол, старуха придремала, не услышав, как стукнула входная дверь и заскрипели половицы в сенях.

– Ты жива, что ль, тетя Дуня? – протиснулась в дверь избы почтальонка,

со света, всматриваясь в сумрак кухни, окликнула она

Вздрыгнув спросонья, потирая затекшую ногу, Евдокия поднялась с табурета.

– Живы! Живы, слава Богу. Заходи, Наденьк, заходи милая...

– Ох, метет седни!.. Ветер такой, что с ног сбивает.

Почтальонка сбросила на пол свою сумку, отстегнула верхнюю пуговицу куртки и ослабила шаль вокруг шеи. – Думала уж не дойду. Спасибо, Савельич на молоковозке своей до фермы подбросил, а то ж...

Обив валенки от снега, она подхватила сумку, и прошла столу.

– И не говори!. – вторила ей старуха. – Метет, что метет. Почитай – неделю, никак... Я-то не выхожу... Дров Клавдия натаскала, вода кончилась, я сама пошла... Насилу как полведра дотащила. Снегу пропасть...

Пододвинув табуретку для гостыи, Евдокия продолжала сочувственно вздыхать: – Работа у вас тож ведь... В такую непогоду... Ну присядь отдохни.

Надежда оседлала табурет, порывшись в сумке, выудила карточку и, вздохнув, проговорила: – Сегодня мой, на базу поехал. Уж и не знаю, как они доедут — дороги перемело..

– Бог даст... Говорят: мужик-то хороший попался тебе... Сказывали: самостоятельный, дай Бог, чтобы все хорошо было... А то настрадалась ты, уж пора бы...

– Ой, тетя Дунь! Тьфу, тьфу, что б, не сглазить. Чего говорить... Мне-то что?.. Пацану моему – отец нужен... Расписывайся, вот здесь, – ткнула пальцем почтальонка в графу для росписи.

– Чевой-т?.. – не расслышала старуха, занятая мыслями, как бы так обратится к почтальонке со своей просьбой, чтобы она не отказала.

– Подпись свою ставь здесь, – сунув ручку в дрожащие пальцы Евдокии, повторила та.

– А-а! Это мы щас, – прицелилась на указующий палец Евдокии. – Вот!

Вынув из внутреннего кармана пачку денег обернутых в целлофан, Надежда, послунявив пальцы, отсчитала вначале крупные купюры, добавила еще из другой пачки, за мелочью опять полезла в карман.

Внимательно следившая за ее действиями Евдокия, с готовностью предотвратила последнее, придержав руку почтальонки.

– Нет, не надо!.. Мы ж тоже понимаем... Эвон, какая непогоду, а ты всегда. Не надо, что не надо.

Надежда пожалала плечами и стала укладывать все на свои места: карточку в сумку, деньги по карманам. Улучив момент, Евдокия срывающимся от волнения голосом, обратилась к ней:

– Я-то чего хотела, Надя... Попросить тебя...

– Чего? Воды принести, что ли?

– Да нет, не то... Есть вода. Даже много... Написать надо...

– Бумагу, какую?.. – догадалась Надежда. – Председателю на счет дров?

– Во-во! – обрадовано закивала старуха. – Бумагу. Только не за то...

Дров Коля наготовил, до тепла должно хватить... Письмо надо написать. Сестре Маньке в Раздольную. Я хотела своих попросить, а они кто-его знает, когда придут...

Почтальонка застыла в раздумье.

– Бывало, Аленка все... У меня-то самой глаза, вишь как... – лепетала старуха, страшась отказа.

– Ладно! – вскидывая сумку на плечо, объявила Надежда. – Сейчас только на горку бегаю, то там еще три «божьих одуванчика» пенсии дожидаются. Небось, уж все глаза проглядели, – усмехнулась она. – Напишем, бабк, твою маляву – так и быть!

Со словами благодарности, Евдокия проводила почтальонку и вернулась к столу, с мыслями, с чего захочет она начать, когда вернется с верхней слободы: сядет за письмо или станет угощаться. Но, не мучаясь долго, решила: пусть выбирает сама. Выставив на стол четвертинку, Евдокия протерла рюмку, достала закуску, а рядом положила тетрадь с ручкой.

Спустя час, когда утренняя метель улеглась, а небо очистилось и на нем засияло холодное солнце, проникнув через окна в дом Евдокии, снова стукнула дверь, и заскрипели половицы в сенях.

– Ждешь? – весело спросила Надежда с порога. Она освободилась от сумки, скинула куртку. – Я-то задержалась чего?.. – бобылиху Груню откапывала. У вас хоть трактор, видно с утра прочищал, а у них там, на отшибе... Да еще на горе – самый ветродуй! Насилу как отгребла. Снег слежался – думаю, можь – померла... А она, оказывается, со двора прочистила, чтобы к курам и за дровами ходить... А так, по такой погоде, и впрямь помрет – никто не хватится.

– Да! – с горечью протянула Евдокия. – У нас то хоть дети... А ей-то одной. Прямо беда...

– Дети презрительно повторила Надежда, поправляя волосы перед зеркалом над раковиной. Вон, у бабки Сатарихи – их, вроде, пятеро! А где они? Не сыщешь... Ну что, давай, начнем, – озадачила она старуху.

– Дак, ты смотри, Надюшк, как тебе?... Хочешь рюмашку с морозца сейчас или потом, как дело справим?..

Потирая, красные с холода руки, Надежда глянула на бутылку: – А, давай сейчас! Только, тетя Дунь, чего рюмаха-то одна?..

– Что ты! – махнула рукой Евдокия. Куда нам, мы и так без вина пьяные ходим. Я так посижу. А ты наливай, наливай.

Ловко поддев ногтем легкую крышечку, Надежда откупорила посудину и налила рюмку до краев. Потом по-мужски крякнула и разом выпила. Закусывая огурцом, зажмурилась от удовольствия: – Огурчики у тебя – язык проглотишь... Сама солила или Клавкины?

– Сама, сама, – отвечала Евдокия довольная, что угодила гостье. – Ноне, ни не ахти, какие были, только пятнадцать двухлитровых банок закубить пришлось.

– Это хорошо еще... У меня в этот год и того не было,.. – смачно хрустела огурцом Надежда. – Вроде и цвели дружно, и опупки были, а потом в одну ночь все пожелтело и пожухло.

– Ишь та! – изумилась Евдокия. – И Клавдия говорила, что у нее также...

– А то!.. У всех так. Радиация это. Туча с Украины к нам пришла. Это по радио говорят, что не от того... – Врут! – разругалась почтальонка. – Люди-то знают! Тут приезжал к Галактионовым свояк что ли, приезжал. Прибор специальный привозил. И прибор показал: есть у нас радиация. Не так, вправду, много, но есть!..

– И Люди, говорят, от этой заразы мрут, – вздохнула старуха. Ить, какая напасть, кто ее только выдумал...

– Ну ладно, давай диктуй, а то мне к дойке надо поспеть, – отставив от себя рюмку, Надежда пододвинула ближе к себе тетрадку.

– Чевой-т?

– Говори, что писать будем!

– А-а! – протянула старуха и, приосанившись, на мгновение задумалась:

– Ну, значит так... Здравствуйте дорогая моя сестринушка Мария

Корнеевна! Доброго здоровья тебе, твоим детям: Михаилу, Виктору, Зинаиде, невесткам: Ольге, Галине и зятю Петру! Привет твоим внукам: Леньке, Сереже, Танюшке и... – запнулась она.

Притомившись перечислением родственников Марии, Надежда воспользовалась паузой – съела кусочек сала и лишь, потом взглянула на Евдокию. Та, вперив глаза в потолок, беззвучно шевелила губами.

– Молитву читаешь что ль, бабк?

– Как его?.. На языке вроде вертится, а вспомнить не могу.

Евдокия, вдруг, резко поднялась с табурета и засеменила в горницу: – Шас, погодь...

Через минуту Евдокия появилась с небольшим снимком в руке.

– Вот! Смотри – там сзади должно быть написано.

На фотографии был запечатлен голопузый крепыш. Надпись на обороте Надежда прочитала вслух: – «Аркаше – полгода»

– Вот же, лихорадка тебя возьми – забыла!.. Правильно – Аркаша — Аркадий, стало быть...

Вновь посмотрев на лицевую сторону фотографии, Надежда хмыкнула: – Ишь ты, Аркадий какой!.. Это Витькин? От второй?

– Витькин, от второй, – кивнула Евдокия. – Ну, значит Аркадию. Дальше... С приветом к вам...

Надежда прыснула от смеха.

С приветом к вам сестра ваша Евдокия и семья Николая: Клавдия и внук Сергей. Христос Воскрес, значит...

– Ну, ты даешь, бабка! – опешила почтальонка. – Какой «Христос Воскрес»? До Сретения еще глаза вылупишь, а ты!..

Но Евдокия осталась безучастной к ее замечанию.

– Ты пиши Надя, пиши: Поздравляю тебя и всех твоих с Днем Армии, женским днем...

Надежда с улыбкой записывала за ней.

Улыбнулась и Евдокия.

– Смеетесь над нами старыми. А если с другого боку глянуть: кто его знает как все может повернуться. Доведется ли еще когда поздравить. А ну-ка с почтой что. Всякое бывает. А может это письмо как раз к сроку поспеет. Ну, а раньше придет – тоже не беда. Я-то сама письма Манькины раз от разу читаю-перечитываю, хоть и с горем пополам – глаза-то... А хочется порой ее словечки вспомнить. Может и она так...

– Оно конечно. На все Воля Божья, – согласилась Надежда. – Что еще писать?

– Ну, пиши. У нас все хорошо. Картошки не померзли. Есть маленько капусты. В Николаевой семье все по-старому. Аленка приезжала на каникулы. У нее тоже все хорошо... Вот... – старуха поправила на коленях фартук, что-то припоминая. – На Крещение померла Нюра Конохова, ты ее знаешь, та которая в девках родила от Еремея-бригадира дочку. Она-то – дочка на похороны приезжала, пять лет до того не была, а тут объявилась. Привезла всего: колбасы, селедки. Помянули хорошо. Дом продавать дочка не захотела. Сказала, что будет приезжать как на дачу. Дачников у нас теперь хватает. Каждое лето наезжает туча. В городе-то кология, вредно жить.

– Экология, – поправила ее Надежда

– Ну да, – согласилась Евдокия и продолжала: – Надьсь к Груне Семенкиной приезжали тоже из города одни, говорят: давай мы твою хату купим, а пока не померла – живи в ней. Не знаю, согласится ли Груня продаться так. Срок дали месяц.

Исписав страницу, Надежда перевернула лист.

– Не устала? – участливо спросила старуха. – Коль устала – отдохни. Да прими еще, не стесняйся, а я пока припомню, что еще написать.

Не заставляя себя уговаривать, Надежда отложила ручку, и налила рюмку.

Выпив и закусив салом, она рассмеялась: – На той неделе умора была! В магазине это дело давали, – Надежда кивнула на бутылку. – Что творилось!.. Мужики с самых Гудовиц

на «Кировцах» прикатали. У них там пусто – зона трезвости, образцовый район. У всех морды наглые, все нахрапом взять норовят. Так, наши бабы стеной встали, орут: «пока своих не отоварят – чужим не дадим. Чуть до драки дело не дошло. Вот до чего дожили!..»

– Беда с этим вином, – покачала головой Евдокия. – Вон у Патрикеева Ивана, знаешь его, труба зазолилась... Дыму в избе, не продохнешь,... Кому чистить?.. А топить не будешь – замерзнешь. Бабка его тоже еле ходит. Дети вон, где... А так две бутылки давай, если кого нанимать. Спасибо с Нюриных поминок осталось, так за ради Христа у дочки Нюры выпросили...

С минуту старая и молодая молчали, погруженные в свои мысли. Вглянув на ходики Надежда заторопила:

– Давай дальше, тетя Дунь, а то времени уж много...

– Ага! – собираясь с мыслями, кивнула Евдокия. – Значит: к

новому году отпустили из тюрьмы племянника Гути Кузиной, я тебе писала. Гутя-то померла летом, а этот племянник еще все к ней приезжал, когда мальчонкой был. Вот теперь вырос. После Армии там, в городе у родителей пил да гулял, и видать на чем-то попался. Из тюрьмы его сюда прислали, вроде как не на пустое место. Поначалу он все по деревне болтался, не работал, к Любе Лаковщиковой домогался. Но Люба дала ему от ворот поворот. Теперь в Костино устроился на работу и принялся к какой-то, с челеграфа, а сам нет-нет и опять под Любиными окнами крутится. Она прямо от него плачет.

Ручка повисла над бумагой.

– Председатель наш...

– Постой! – остановила Евдокию Надежда. – А зовут-то его как?

– Кого председателя? Ты же знаешь. Юрий...

– Да нет. Того, что под Любиными дверьми...

– Под окнами, – уточнила Евдокия. – Так, Лешкой – Алексеем...

– Значит, принялся у телеграфистки, а сам к Любе шастает? мрачно спросила Надежда.

– Ну да. С челеграфа... Я же и говорю – непутевый,.. – отвечала Евдокия. – Видать такую же себе нашел. Разве хорошая за него пойдет. Тож, видать, прости Господи...

– Так-к! – проговорила с сердцем почтальонка, поднимаясь со своего места. Стянув с себя шаль, прошла к печке. – Вот же гад ползучий!.. Ну, подлец!.. – вернулась она к столу и вылила остатки водки в рюмку – выпила не закусив, и заплакала.

– Господи! Надюшк!.. – поняв, что сказала не то, запричитала Евдокия. – Я-то дура старая, сплетни собираю,... Может это не он... Болтают люди худое...

– Он!.. – твердо сказала Надежда, утирая мокрые щеки рукавом кофты. – Он! То-то я смотрю – все мужики в гараже, а он чуть что – на третьем отделении – у вас!.. Ну ладно, гад!

– Да, это... Того... Если ты чего подумала, то не думай – Люба его к себе не допускала и не допустит. Не такая она,.. – лепетала старуха.

– Черт с ним! – успокоилась почтальонка. – Ты себя, тетя Дунь, не виновать. Все равно бы узнала, не от тебя так от других... Просто обидно! Ведь говорил, что по-хорошему все хочет... А я уши развесила. Дура! Думала, Вовке моему отцом будет, а то растет как сорная трава. Я этого подлеца одела, обула, а он... Да что там говорить – горбатого могила исправит. Не переживай, тетя Дунь, я уже все...

Евдокия по немому зашамкала ртом.

Взглянув на ходики, Надежда взяла ручку:

– Что там дальше писать?..

За окном опять завьюжило.

Баня с бассейном

Светло и неуютно вьюжным февральским днем в деревенском доме. Гулко рубят на равные дольки тишину и время ходики на стене, беснуется за окнами метель, завывая волком в печной трубе, шелестит снежной крупой по стеклам. Движение воздуха чувствуется и внутри дома, холодное дыхание разгулявшегося ненастья проникает через двойные рамы и не оставляет в покое линялые ситцевые занавески. Тоскливо на душе и холодно телу. Кутаюсь в старый, оставшийся еще от деда, лохматый овчинный тулуп и чтобы хоть как-то развлечь себя, пытаюсь читать прихваченный из дома остросюжетный детектив. Вернее, больше делаю вид увлеченного чтением человека – это для бабушки, чтобы вдруг не решили, что мой визит к ней всего лишь печальная необходимость. Понимаю, грех сетовать на судьбу, наградившую близкими родственниками в далекой, забытой Богом и людьми глубинке, святой долг навещать которых, под час, становится тяжким бременем: два часа в простылой электричке, еще полтора в битком набитом автобусе, и, наконец, пешком, без малого пять километров, чистым полем с полными сумками наперевес со всевозможной снедью для бабушки. Ей немало лет и большое хозяйство держать не под силу, десяток кур, утки на лето, огород – как может, справляется. На деревенский магазин и вовсе надежды мало, работает он два раза в неделю, по мере того, как туда завозят хлеб, кроме которого, в числе немногих никчемных вещей, широко представлены электросушилки для обуви под названием «сапожок» и клееные калоши огромного размера. Первые не имеют спроса ввиду абсолютной ненужности в деревенском быту, вторые не пользуются популярностью по непрактичности в эксплуатации на местном ландшафте.

Глаза машинально бегают по строчкам насыщенного движением, погонями, стрельбой детектива, но смысл прочитанного не доходит до сознания, видно застывает где-то в пути. Прихожу к однозначному выводу: в деревне можно и нужно жить летом – свежий воздух, парное молоко, зелень, теплынь...

Бабушка, хлопотавшая у пасти русской печи, занимающей добрую треть полезной площади дома, закончив свои дела, присаживается на стул у окна.

– Ишь, как замечает... – говорит она с вздохом, взглянув через стекло на улицу. – Так, ить опять придется к вечеру лежанку топить – все тепло выдует...

«К вечеру, лежанку топить!» – передразниваю ее про себя. Переехала бы на зиму в город. Все дети, внуки там. И все зовем! Три московские квартиры, выбирай, что душе угодно. Тепло, светло. Не надо печку топить, баллонный газ экономить. Опять же горячая вода. А здесь холодную воду с колодца приходится таскать... Не молодая же! А главное: избавила бы близких от заботы всякий раз приезжать сюда... Правда, года три назад, после болезни уговорили ее-таки пережить не благодатные времена в городе. Согласилась! Из предложенного жилья выбрала сыновью квартиру. Дядька ей комнату отдельную выделил, жену приставил для всяких бабкиных надобностей – стоговить что, постирать... У дочери магнитофон отобрал, чтобы не беспокоил пожилого человека. А бабуля!.. Оправилась немного и через месяц выдала, /привожу дословно/: – «Не, не, миленькие мои, не могу я в ентих ваших квартерах проживать. Тесно! Сижу я здесь, как птичка в клетке. Мы к простору привыкшие, воздуху вольному, а здесь...»

Как тут быть?.. Не больше не меньше, в трехкомнатной квартире улучшенной планировки ей тесно!..

Дядька за свой счет отпуск взял, на дачу ее повез. Там лес кругом. Условия, можно сказать приближенные к натуральным. В доме газовое отопление, водопровод. Через неделю, пожалуйста: – «Не, не, сынок, не могу я здесь! Дом, конечно, хороший, теплый /это про дачу/, но нам наши гнилушки /надо понимать ее хата/, дороже и милей. Везите меня обратно в деревню. А то тут, словом не с кем перемолвиться. Подружек нету. Везите, а то помру тут!».

«Тута-марфута! Пришлось везти...»

Не поймешь этих стариков. То плачет: тяжело одной. Дрова, вода, огород... А с места не стронешь! Так и делим, дети и внуки осень, зиму, весну, очередь устанавливаем, и везем сюда сумки с продуктами да приветы от остальных родственников. Маята!..

– А может по телевизору, что... – спохватывается бабушка. Ее чуткое сердце чувствует, что заскучал ее старший внучек.

– Так, у вас сейчас перерыв в программе, – отзываюсь я.

– Перерыв! – эхом вторит она и снова вздыхает. – А сходил бы к клубу, там, поди, уже афишу на кино вывесили. А?... Надьсь, бабка Лычиха сказывала про картину, какую нам привозили. Очень хорошая картина. Переживательная, видать индийская...

Мне смешно. По глубокому убеждению бабушки, как впрочем, наверное, и ее подруг – индийское кино самое хорошее, потому что переживательное.

Я содрогаюсь лишь от одной мысли оказаться среди снежной круговерти.

– Ну, даже, если афишу вывесили, кино-то вечером. Что сейчас ходить? Мне здесь хорошо.

– И то верно, – соглашается бабушка и поправляет на коленях фартук, в раздумье. – А можь, поешь что?.. – несмело предлагает она чуть погодя. – Штец или кашки гречишной. Кашка-то в печке уж притомилась. Хорошая!.. И молочко есть. Пока ты спал, Нюра Большакова прибежала, свежего принесла. Это не ваше – порошковое, а прям из-под коровки!.. Не хошь?..

– Так, только из-за стола!.. – смотрю на часы и ужасаюсь. Действительно после фирменного деревенского блюда – горячей картошки с солеными огурцами и квашеной капустой, минул лишь час с небольшим.

Некоторое время бабушка молчит и глядит в окно. Потом на улице что-то привлекает ее внимание.

– Ты, только глянь, глянь!.. Умора! – смеется она. – Это куда ж Канареич наострился?.. И непогодь ему нипочем!..

Гляжу в окно. Там среди ослепительной белизны резко выделяется фигура в черном, коротком тулупе с поднятым воротником, в шапке и непомерных валенках, с целлофановым пакетом в руке. Двигался он медленно, осторожно ступая узкую проторенную в рыхлом снегу тропку.

– Да, ить сегодня суббота – мужской день! – делает открытие бабушка. – В баню собрался! Вишь, какой чистоплотный, хучь тебе потоп, а баня святое, – весело комментирует она. Вдруг лицо ее просветляется новым предложением: – А может и ты, Женюшк?.. В баньку! Вчера-то в женский день, Лычиха сказывала пар был, дух не перевести...

Не найдясь с ответом сразу, я, видимо, дал расценить мое замешательство, как колебание близкое к согласию.

– А что, попаришься! Парная у нас знатная! Из соседних деревень приезжают. А то, и из района!.. Хвалят все. И Лычиха...

– А что! – говорю я себе. – Почему бы и нет? – и решительно вынимаю свое затекшее тело из кресла и сбрасываю кожу.

Конечно, не авторитет ценителя мирового киноискусства бабки Лычихи, двигал мною, как и не острое желание соблюсти правила личной гигиены в деревенской бане, просто возможность вырвать себя из пут зимне-деревенской тоски и успокоить бабушку.

Довольная, что угодила-таки внуку, она роется в комод, из него извлекаются полотенце, новый, еще в обертке, кусок земляничного мыла, в сенях отыскивается стылая лыковая мочалка. И через несколько минут я толкаю скрипучую дверь и выхожу на волю.

Метель поутихла. Под сводом низкого серого неба, на фоне свежего снега деревенская слобода смотрится нарядно и даже весело: дома рубленые, сложенные из кирпича, шлаконаливные, оштукатуренные, обшитые тесом, разноцветные, с комнатными цветами в окнах, рез-

ными цветами наличников, будят в душе добрые и светлые чувства, воспоминания о чем-то очень дорогом, но не пережитом, отзываясь в сердце сладкой тягучей истомой, похожей на протяжную русскую песню.

Баня – низенькое строенье, занесенное снегом по самые окна, стоит в стороне от деревни, за огородами, на берегу узкой и быстрой речки, не замерзающей даже в самые лютые морозы. Утоптанная тропинка к бане может определенно сказать, что Канареич, а теперь вот и я, не одиноки в своем намерении совершить еженедельный ритуал. В крохотном коридорчике, у заиндевелого окна, колченогий столик, на нем банка с мелочью – касса. Точной платы нигде не указано. Бросаю в копилку двугривенный. За надежду на мою порядочность добавляю еще две пятнашки.

В предбаннике людей не видно, но судя по кучкам белья на деревянных диванах с высокими спинками – четверо, ради гигиены и здоровья, презревших ненастье. Продрогнув, быстро раздеваюсь и тороплюсь в тепло.

На широких лавках с мраморными крышками полоскались мужчина и мальчишка, скорее всего отец и сын. В отсутствии душа, опрокинув на себя таз теплой воды, я дернул деревянную ручку двери парной. В нос ударила удивительная гамма запахов: аромат сырой хвойники с тонким оттенком свежеструганной липы был здесь замешан на пряной терпкости распаренных березовых листьев с кисловатым привкусом дыма сгоревших ольховых поленьев. В парной тоже двое. Следуя обычаю здешних мест здороваться со всеми знакомыми и незнакомыми людьми и везде, где придется, учтиво приветствую парящихся. Выделить Канареича не составило большого труда – сухой, жилистый, он нещадно хлестал свое обтянутое коричневой от вечного крестьянского загара тело, на самом верхнем ярусе полка. Двумя ступеньками ниже, кряхтя и отдуваясь, сидел сдобного типа мужчина, еще не старик, пот градом катил с его большого тела, и по всему было видно, что парная ему не по нутру, и пришел он сюда либо по увещанию поборников нетрадиционной медицины, либо за компанию. Проявление культуры и уважения к традициям с моей стороны не произвели на Канареича ни малейшего впечатления. Он так самозабвенно парился, что верно и не сразу заметил меня. Причем зона досягаемости его, со свистом мечущегося веника была настолько обширна, что мне пришлось подавить в себе искушение взобраться наверх, в самый жар и довольствоваться соседством с толстяком. Тот, в ответ на мое приветствие, коротко кивнул, после того, как смерил меня с головы до пят, и когда наши взгляды встретились, в его глазах я увидел столько неподдельной тоски и муки, уже не сомневался – несчастный страдал за компанию.

Однако нарочитое игнорирование моей персоны Канареичем, оказалось не более чем плодом собственной нездоровой впечатлительности, и вскоре обратилось в более чем расположение. Закончив самоистязание, он спустился с полка, тщательно сполоснул свой прекрасный, умело связанный веник, где в березово-дубовую смесь для аромата и массажа была вплетена ветка можжевельника. Без лишних слов, как старому знакомцу, он вручил его мне с коротким наставлением как поступить с этим банным аксессуаром в дальнейшем.

Прежде мне не довелось быть знакомым с Канареичем лично, но слышать о нем от бабушки и ее словоохотливых подруг немало. То неутомимым весельчаком и балагуром, героем всяких забавных историй, какие ходили из дома в дом, потешая немногочисленный деревенский люд, то проглядывал совсем другой Канареич, переживший все беды и невзгоды, выпавшие на долю его земли, на которой он родился и жил, разделивший на склоне лет, как и многие его однодеревенцы, горькую долю одиночества.

Прозвище свое он получил в наследство от отца, большого охотника до лесных птиц. Дрозды, щеглы, канарейки в искусно с любовью сделанных отцовскими руками клетках, окружали его с раннего детства. Птицы были хорошим подспорьем крепкому крестьянскому хозяй-

ству отца. В коллективизацию отца растормошили, объявили мироедом, добро годам и слабому здоровью на Соловки не упекли – дали умереть в своем опустошенном доме.

Но не затаил тогда Канареич-младший неприязни к Советской власти за утраченное благополучие. Цели, как ему виделось, были верными, в это он верил, за это воевал. Да и не власть была настоящих хозяев, а Завистливые люди, пристроившиеся под ее крылом. В гимнастерках, галифе и хромовых сапогах со скрипучими португепями – в тридцатых, в дорогих костюмах с холеными лицами – позже, наезжали они на больших легковушках в деревню поучать, пугать – властвовать.

Когда от хозяйства остался один дым, Канареич пошел учиться на механизатора. Технику он полюбил не меньше птиц. Отучившись, пошел работать на районную МТС трактористом. Разъезжал по району и всегда возил с собой клетку с певчим тенором. Потом пристратился к голубям, даже приспособил почтовых для дела. Сеет, бывало в своем колхозе, семена на исходе – голубя из мешка – записку на лапу – голубь домой летит, а том сестра записку снимет и в правление... Глядишь, уже семена везут. Про то даже заметка в газете напечатана была. Вся деревня читала-перечитывала: «Ай, да Канареич!».

Всю войну проездил Канареич на колесах. Дважды был ранен, но везло – легко. В родную деревню вернулся при ногах и руках, с сединой в усах, с наградами, и на невиданной в здешних местах машине «Студебеккер». В кожаном трофейном портмоне вместе с бумагами о полной демобилизации, документами на два ордена и медали, привез справку с печатью и подписью военного коменданта польского города Лодзь о том, что данный автомобиль собран Канареичем из частей пострадавших в боях машин. И потому, как сборка «Студебеккера» является личной инициативой его водителя и не числится на балансе комендатуры, машина передается в полное распоряжение водителя с последующим перегоном ее на родину.

Автомобиль и припасенная в его кузове жатка, принадлежали Канареичу по справке там, в Польше и в военное время. Повадились в деревню всякие представители, из района, из области... По первости, глядячи на машину цокали языками, хвалили доделистого солдата. А потом на ту комендантову справку отстучали свое постановление, где печатными буквами обязывали передать технику в распоряжение районного начальства, как государственное имущество. Свой «студебеккер», вернее, что от него осталось, Канареич увидел месяцев через восемь на свалке у бывшей МТС.

И опять не затаил он зла на власть, сетуя больше на незнание действительного положения дел тех, кто стоял у ее руля. Он даже жалел правителей, имевших столько недобросовестных помощников, какие для положительных отчетов нарочно искажали действительность. Под гнетом грабительских налогов редело деревенское стадо, вырубались в садах плодовые деревья, зарастали бурьяном некогда личные уголья селян – отрезанные по распоряжению сверху. Пустела деревня – год от года таяло ее население.

Как самостоятельного и расчетливого хозяина выбрали колхозники своим председателем Канареича, разуверовавшись в залетных да рекомендованных. Однако недолго пришлось ему председательствовать. Из района командовали: когда сеять, когда убирать, требовали привеса, прироста – проценты, центнеры, тонны... А он не хотел работать по указке, так ослушался один раз, в другой, на третий раз – рассчитали. До пенсии проходил Канареич в бригадирах.

Всласть напарившись, обессиленный, я выбрался в прохладу предбанника. Как раз напротив того места, где лежала моя одежда, сидели Канареич с толстяком. Их очень занимала моя обувь. Говорил Канареич:

– ... ишь ты, поди, теплые! А мех-то не настоящий, и кожа – сразу видно – дерматин... Не наши – импортные? – кивнул он на мои сапоги, заметив меня, спросил он.

– Почему же обязательно импортные? Наши! Обыкновенные «луноходы». В них сейчас пол-Москвы ходит. Удобно!

– Да ну, ты! – удивился Канареич. – Не уж-то так и зовутся? Слышь-ка, Кузьмич, – толкнул он соседа. – Луноходы! Вот ведь!.. И что в таких и взаправду по Луне ходили?..

Меня заставило улыбнуться это его неподдельное любопытство.

– Нет, конечно. Просто назвали так и все.

– А теплые? Не промокают?..

Получив утвердительные ответы, Канареич снова обратился к приятелю:

– Вишь-ка, что человек говорит. И теплые и не промокают!.. Вот бы нашим бабам такие на ферму такие, а то все как сто лет назад валенки с галошами, да и те днем с огнем не сыщешь...

Кузьмич угрюмо кивнул, а Канареич серьезно продолжал: – В городе, известное дело, о людях думают. Надо ж, сапоги какие придумали, хошь ты в них по Луне разгуливай, а хошь навоз на скотном топчи. А техника какая... Устройства всякие. Ты не поверишь... – в его глазах засветилась смешинка. – Надьсь к Егоровне Корнауховой Витька – зять ее навевывался... Это тот, что когда к Шурке – дочке Егоровны женихался в клубе во время картины шашку дымовую задействовал. Так бабки наши решили, что война атомная зачалась и ну по погребам хорониться!.. Шалопаем был по молодости, а как женился, как вроде исправился. Живут они с Шуркой тоже в деревне на манер нашей, но недалеко от города. Шурка работает на ферме дояркой, Витька в городе – что-то по торговой части. Толковал, кабинет имеет, не иначе – начальник. Ну, значит, телефон себе завел, да не простой, а очень даже особенный. Сидит, к примеру, Витька у себя в кабинете, телефон работает, как ему полагается работать, а чуть за дверь – кнопку нажмет, и телефон сам отвечает: так, мол, и так – отсутствует Виктор Афанасьевич, и что желаете передать... И все скажешь, телефон запишет на ленту, а Витька потом все это прослушает... Одна беда, отвечает по тому телефону барышня приятным таким голоском. Чудеса! Я бы и не поверил ни за что, не покажи мне Витька синяк на плече...

Канареич коротко хохотнул и продолжал:

– Натуральный такой синяк! Сразу чувствуется скалка в Шуркиной руке. Она бабочка, так себе, но ревнивая до страсти и резкая в случае чего... Тут может, подловила Витьку когда или подозревала, только взяла супруга на контроль. А тут в кои веки в город собралась. Там, известное дело, по магазинам... Ну как мужу не позвонить, раз он при телефоне. Звонит, значит... А ей та дамочка такое воркует. Звонит другой раз – тож самое... Понятно, вскипела по данному поводу Шурка, и уже с автобусной станции, когда в последний раз звонила, такое той девице сказала!.. А уж какими словами, ты, Кузьмич Егоровну знаешь, после ее выражений у нашего колхозного племенного быка Ираклия, к своему коровьему гарему сразу всякий мужской интерес пропадает, а Шурка ее дочь... Вот и пришел, стало быть, Витька домой, да на грех, задержавшись – дела были. Благоверная, конечно, допрос учиняет... Витька объяснять стал, только видать не с того боку начал. «Ты, говорит, Александра женщина темная. У тебя одни тряпки на уме и всякие бессмысленные подозрения, а на дворе – технический прогресс!..» Шурка-то оскорбления на счет своей темности и тряпок стерпела, а как за «прогресс» слышала – за скалку взялась. «Знаю, орет, в какие юбки твой прогресс рядится!..» И все такое прочее, а сама скалкой... И по голове норовит!.. Витькино счастье, выпивши, он был тогда, не очень что б, реакцию сохранил – увернулся, на плечо главный удар принял.

С минуту Канареич беззвучно смеялся, поддержанный скупой улыбкой приятеля. Когда же складки на его скулах расправились, он серьезно посмотрел на меня:

– Так, может, договоримся?

– О чем? – опешил я.

– Ну, как?.. За луноходы! Ты там у себя в Москве поговори с кем надо, чтобы нашим дояркам-ударницам к женскому дню по паре луноходов поставили. Колхоз оплатит... И нам с Кузьмичем за рационализацию на магарыч!

На этот раз, рассмеявшись, он о чем-то вспомнил и полез в свой пакет. В пространстве между ним и Кузьмичем появилась початая бутылка «Столичной». Следом от туда же были извлечены: пергамент с пластинками белого с розовыми прожилками сала, хлеб, последним появился мерный граненый стакан. Друзья по очереди выпили и налегли на закуску. Бросив в мою сторону короткий взгляд, Канареич взял бутылку, плеснув в стакан водку, протянул его мне.

– Не побрезгуй за компанию.

Если честно, пить после парной мне не очень хотелось, но и отказываться было неудобно.

– Оно ничего, если в меру, – точно прочтя мои мысли, говорил Канареич, неторопливо разжевывая бутерброд. – Что-то личность твоя мне, как вроде знакомая, а упомянуть не могу...

– Я бабушки Лизы Грибовой внук.

– Райки сын, что ли? Евгений?

– Евгений – Женя.

– Как есть, Евгений! – настоял на своей производной от моего имени Канареич. – А я смотрю: ты не ты... Это Райкин малый,.. – пояснил он Кузьмичу. – Райку, старшую дочь Лизаветы Грибовой, ты, поди должен знать. А если помнишь, учителя к нам из Москвы присылали работать, еще в старую школу. Так тот учитель и взял нашу Райку,.. – терпеливо втолковывал он безмолвно кивающему Кузьмичу. – А теперь видишь, что получилось...

Меня немного покорила «история любви» моих родителей в представленном Канареичем виде и позабавила реакция Кузьмича, после слов приятеля, он в следующий раз после парной, добросовестно оглядел меня, благо возможность для того была, можно сказать, исключительная. А, оглядев – заулыбался, очевидно, искренне порадовавшись результату «штурма Райки учителем».

– Учишься или уже работаешь? – продолжил Канареич.

– Учусь...

– Ну да, оно конечно, еще наработаешься, какие твои годы... А учишься, поди, на строителя? – спросил он и сосредоточил свой взгляд на собственном колене.

– Почему обязательно на строителя? – не понял я.

– Ну, как,.. – Канареич ладонью потер колено. – Бабка твоя сама говорила, что способности к этому делу у тебя. Помнится, на деревне говорили, что строил ты бабке не то гараж, не то дровяник...

Вспомнилось и мне, как на деревне я снискал лавры «строителя со способностями», и стало понятно, почему Канареич прячет глаза.

Весной того года я вернулся из рядов славной Советской Армии и в череде радостных и волнующих встреч с родными и близкими мне людьми, я не преминул навестить и деревенскую бабушку. Тогдашний май-месяц выдался на редкость сырым и холодным, а дорога до деревни неблизкая – два часа на электричке, еще полтора – автобусом и, наконец, пять километров – пешком. Выехав из дома ранним утром, лишь во второй половине дня, измотанный, промокший до нитки, я постучал в дверь бабкиного дома. Счастливая от встречи, бабушка приказала мне переодеться в сухое, накормила и предложила отдохнуть с дороги на только что истопленной русской печи. Оказавшись на стеганом одеяле поверх горячих кирпичей и по достоинству оценив всю прелесть непритязательного уюта деревенского дома, я уснул богатырским сном. Поблаженствовав, таким образом, два часа, отрешившись от сна, я поспешил на свежий воздух с целью посетить дворовые удобства. Трудно сказать, сколько времени минуло, с момента как за мной прикрылась дверь хлипкого сооружения, но о другом можно сказать точно – все необходимое, мне сделать удалось и благодаря не имеющей внутренних запоров двери, я беспрепятственно вывалился из «тесного кабинета» наружу, хорошенько пристукнувшись затылком об утопанную тропинку. Можно предположить, и даже наверняка, что мое тело там, внутри туалета искало выхода, бросаемое из стороны в сторону,

потому как, очнувшись, первое, что я увидел: медленно, но неумолимо заваливающийся туалет перпендикулярно расположению моего распластанного тела. Со свойственной мне молодецкой легкостью на подъем, я приостановил это падение, подставив сильное плечо, придал туалету обратное заваливанию направление и, наверное, переусердствовал в своем стремлении предотвратить его разрушение. Ветхое сооружение благополучно преодолело «мертвую точку» стояния, стало на этот раз заваливаться в другую сторону, причем значительно скорее, чем это было в первом эпизоде, получив начальное ускорение от напряжения моих мышц. Дальнейшее легко было предугадать – согласно законам гравитации, туалет вместе со мной с треском рухнул на сырую землю.

Думаю, излишне распространяться, как я объяснял бабушке произошедший со мной конфуз. Тот малосвязный рассказ с клятвенными обещаниями завтра же приступить к строительству нового туалета-красавца, на зависть всей деревне, потонул в бабушкиных «охах и ахах». Обсуждение инцидента закончилось возложением персональной ответственности за туалет – на сына, моего родного дядьку, проигнорировавшего в свое время предупреждения об аварийном состоянии неперемного атрибута деревенского двора, за угарный газ, от печки так неблагоприятно повлиявший на мой неподготовленный организм, бабушка всю вину взяла на себя.

Однако наивно было полагать, что приключение со мной на виду всей деревни не имело там соответствующего общественного резонанса...

Утром, едва проснувшись, я должен был выслушать сбивчивое, со слезами от смеха бабушкино сообщение, как по деревне с молниеносной скоростью распространился слух, впоследствии утвердившийся в качестве достоверной версии. Как внук бабки Шуры, на радостях, вусмерть напился, и мало того, что вывалился из туалета с расстегнутыми штанами, вдобавок, к вящему изумлению выдавших виды деревенцев, в сердцах порушил последний.

Надо было как-то реабилитировать себя в глазах деревни и на следующее утро, после легкого завтрака, преисполненный грандиозными планами я вышел к месту закладки нового туалета. Напряженки с материалом не предвиделось – дядька заготовил его на ремонт сарая. Дождь продолжал накрапывать, и мне пришлось отменить идею о первичности ямы. Нужна крыша – с нее я и начал... Вкопав четыре столба, я обвязал их перемычкам и приступил к обрешетке. Работа спорилась, и вскоре мне потребовался рубероид для кровли.

Бабушка в доме была не одна, на табуретке у стола сидела ее соседка.

– А возмужал-то, возмужал! – запричитала она, едва я появился на пороге.

– Прямо и не узнать! Значит, мотоцикл покупать собрался. Ну и правильно, сначала мотоцикл, а потом, Бог даст, и машину купишь! – огорошила она меня.

– Какой мотоцикл? – хватило спросить меня.

– Ну, как?.. – соседка заерзала на табурете. – Гараж, гляжу, начал строить...

Я вернулся на стройплощадку и обзрел плод своих трудов. Конечно, никакого сходства с гаражом я не обнаружил, но размеры и вправду впечатляли, если бы старый туалет сохранился, то рядом с моим монстром он выглядел бы жалким карликом. Быстро разобрав построенное, я снова занялся столбами, значительно уменьшив расстояние между ними. Для инспекции вызвал бабушку.

– Хорош, будет! – похвалила она, – Только, сынок, больно высокий, как каланча...

Столбы пришлось подпилить. После обеда я снова обвязал перемычками опоры, обрешетил их, постелил рубероид. Крыша была готова. Выкопать яму оказалось непросто, земля была суглинистая, тяжелая, и к исходу дня удалось вырыть лишь половину от запланированного. Уставший, но довольный, поужинав, я завалился спать с не истлевшим желанием завтра продолжить начатое дело.

Моросящий дождь к ночи сменился на проливной. Утром яма оказалась до краев наполненной мутной водой и в ней с удовольствием купались лягушки. Чтобы выкачать воду подручными средствами потребовалось бы убить полдня.

– А ну его к лешему, сынок! – возникла рядом бабушка. – К лету подсохнет, тогда и доделаешь. А мы может старый поднимем...

И подняли, подпорки поставили, еще потом целый год стоял. А под моим навесом (он теперь так называется), бабушка хранит дрова. Пригодилась и яма, в ней покоится собранный со двора мусор.

– Может еще погреемся? – задорно подмигнул мне Канареич.

Я принял вызов. Кузьмич не пожелал, на этот раз разделить с нами компанию, остался в мыльной. Мы же парились долго. Подбрасывая воду на каменку, доводили температуру в парной до критической, когда от жара начинали потрескивать волосы на голове. Я сдался первым. Едва доплетаясь до лавки предбанника, я рухнул на нее.

Канареич появился еще минут через десять. Самодовольно улыбаясь, он победоносно глянул на меня.

Я поднял руки вверх, признавая за ним полную победу.

Передохнув и остыв, Канареич снова полез в пакет. Все повторилось. Остатки водки достались мне. Видимо выпитое достигло цели, лицо Канареича зарделось, глаза увлажнились, и он продолжил оставленную до времени тему:

– Вот, кто-то считает, что наука и культура только в городе. Институты, академии научные там, музеи, театры... А сельскому человеку ничего такого и не надо... Так ведь неправильно это!.. Наша наука, поди, постарше любой будет. Что сейчас в газетах пишут и по радио говорят?.. Говорят и пишут, что вскорости между городом и деревней большой разницы не будет. В смысле культуры и всякого такого прочего...

После парной и водки, Канареич, скорее всего, потерял основную мысль, о чем хотел сказать, и теперь пытаюсь нащупать ее, метался между городом и деревней, между наукой и культурой. Слушая его монолог, я едва сдерживал улыбку, опасаясь обидеть его.

Сделав небольшую паузу, за это время он успел доесть остатки закуски, голос его зазвучал увереннее:

– И что мы видим? Видим мы следующее... Мы и сейчас живем не хуже городских. Взять, к примеру, нашу деревню... Электричество, газ в каждом доме. Опять же радио, телевизоры... Водку в холодильниках студим, – ухмыльнулся он. – Пластинки музыкальные крутим. В клубе кино на широком экране. А тут в уборочную артисты к нам приезжали. Жаловаться не приходится...

Он взглянул на придремавшего Кузьмича и заговорил тише:

– Ну, а если чего другого захочется... В музей там или театр, у нас это без вопросов. Правление колхоза автобус выделяет, и едут наши труженики в город...

Канареичу не терпелось рассказать что-то интересное, но, забредя в дебри в своем предисловии, используя при этом слова явно не из своего привычного лексикона, он с трудом подходил к главному.

– Вот и я, хоть человек уже и немолодой, а когда-никогда запишусь в эти поездки. Где только не был. В цирке, театрах разных – само собой. На выставки, в музеи ездили... Даже в парке отдыха раз на карусели крутнулся. Вот только в бане городской помыться не приходилось. А слышал, что в банях тех непременно бассейн имеется. Чудно, вроде, в бане и бассейн... Вот и решил – я буду не я, если городской бане удовольствия не получу и в бассейне том не поплаваю. Сказано – сделано! Как наши опять в город на представление цирка засобирались, я первым записался. Как полагается накануне веничек хороший приготовил, бельишко собрал, и наутро к автобусу... Наши, по началу, как меня с веником увидели на смех подняли, решили – выжил старик из ума, если вместо цветов циркачам веник березовый дарить вознамерился. Я им про баню толкую, а они еще пуще заливаются. Только, как поехали – успокоились.

В городе, до начала представления разбрелись кто куда. Кто по магазинам, кто родственников навестить... А я у прохожих про баню выспрашивать стал. Оказалось, что в городе бань не одна и даже не две – много, и что характерно каждая свое название имеет. Про то мне один гражданин поведал. Очень уважительный человек попался. Я не просил, сам до ближайшей бани проводить вызвался, а как дошли, легкого пара пожелал и удалился по своим делам. Очень я ему благодарен остался.

Вхожу я, значит, в ту баню, вокруг чистота, порядок, и народу – ни души, даже у буфета никого. Про себя думаю: не очень то городские жители баню жалуют. Да и то сказать, зачем им баня, если в каждой квартире ванна имеется. Конечно, одному мыться-париться скучно, ну да ничего не поделаешь. Гляжу – окошко, касса, надо понимать. Я туда... Там сидит такая симпатичная старушка, сидит и носки вяжет. Увидела меня и улыбается. Улыбаюсь и я, и культурно так обращаюсь к ней: «Как на счет пара, мамаша?» После этих моих слов она враз улыбаться перестала, глазами на меня как сверкнет и шипит змеей: «Слава Богу, говорит, парок, только тебя черта плешивого не только в сыны, а в свекры записать не пожелала бы!» Понятное дело – обиделась. Хоть бань в городе и много, да не уходит же, раз в эту пришел, и снова к ней. «Чертом, говорю, гражданочка дорогая промашка вышла, что без прически остался – верно – годы. Вот и решил на старости лет кости в городской бане погреть. А если за обращение мое вы обиделись, за то извиняюсь». Смотрю, как вроде, взгляд ее теплеть стал. Спрашивает: «Не здешние будете? Приезжие? С периферии?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.